

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ*

Очерк о языческом и христианском в народной этике

О ДИКОСТИ И РАБСТВЕ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

История России – история крестьянства, ибо на утренней заре прошлого столетия крестьяне в патриархальном Русском царстве составляли абсолютное большинство населения. Лишь на безумном закате прошлого века, когда глобальная технократическая цивилизация почти погребла природный мир и слитый с ним крестьянский, сельских жителей изрядно убавилось; но даже бывшие крестьяне, что перешли в другие сословия, и порой даже те, что родились оторванные от земли, в сокровенной глубине души и по сей день не утратили крестьянского духа и томительной, отрадной тяги к матери сырой земле.

Исконно русские крестьяне, коих не постигли либеральные западники, побитые молوى порочного европейского просвещения, и славянофилы, заложники барского происхождения, – исконно русские крестьяне, не ведавшие азы, буки и веды, но обладавшие вселенским знанием, что передавалось из колена в колено, изустно постигавшие Святое Писание, смиренные, негорделивые, покаянные, были христоролюбивее и царелюбивее, чем иные российские сословия. Поминая сословия, речь не ведём о насельниках скитов и пустынь, о монастырском старчестве и духовенстве – се носители света Христова, богоизбранные молитвенники за народ русский.

Письменные труды по истории Государства Российского грешили тем, что составлялись из историй правящих кругов – суть высших сословий – из истории войн и общественно-политических движений в ярой борьбе за власть и грешные земные блага, из истории научных, культурных достижений, религиозных преобразований. А многовековая повседневная простонародная жизнь, история развития народного духа прозябали в тени.

«Читая лекции отечественной истории в наших учебных заведениях, преподаватели этого предмета мало говорят об обычаях и образе жизни наших предков, почему бытовая сторона нашего народа в своём прошлом почти потеряна для нас», – знаменитый писатель-этнограф Михаил Забылин писал

сие более века назад, когда в крестьянстве цвела и красовалась двухтысячелетняя обрядовая этика-эстетика, а уж что говорить о нынешней поре, когда русскость в народе истреблена западным варварством.

Русский... Произнесёшь величавое слово, и в сознании рождается: православный крестьянин... «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю: «Русский крестьянин», – писал Александр Куприн. – Да и как же иначе думать, если мужик всегда составлял восемьдесят процентов российского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен: ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность».

Покаянное слово писателя русскому крестьянству, суть *русскому народу* речено не ради красного словца, кое не жалеет мать и отца; Куприн – пасынок дворянского, различинного мира, утратившего веру и крестьянский здоровый дух, – соглашается с непониманием народа русского: «Я, право, не знаю, кто он...». Любя и воспевая непостижимый для дворян и различинцев родной народ, писатель чует роковую сословную вину перед крестьянством, которое они, интеллигенты и дворяне, метали, словно хворост в костёр, в кровавую пасть отечественных и мировых исторических смут. Оттого и «любовь без всякой надежды на взаимность». Помянутый Алексей Пешков (Горький), писатель большого, хотя и безбожного дарования, люто ненавидящий крестьянство, в 1925 году повелевал Николаю Бухарину: «Надо бы, дорогой товарищ, вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, даже неизбежен, конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна, заострила бы мужикополонников и деревеннюлюбов, но критика – и нещадная – этой идеологии должна быть теперь же. Талантливый трогательный плач Есенина о деревенском рае – не та лирика, которой требует время и его задачи, огромность которых невообразима» (Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 36).

Будучи составителем «Русского месяцеслова» и сочинителем сего очерка**, я не воспевал языческие мотивы при описании народных обрядов, суеверных обычаев, суеверных примет и даже заговоров,

** Автор в данном очерке использует цитаты из «Русского месяцеслова», не выделяя их кавычками. А большинство цитат других авторов использованы без ссылок на источники, ибо сей труд не строго академический, а писательский, с широким использованием исторических, этнографических, фольклорных источников.

всё сие введено в книгу и данный очерк лишь для достовой картины народного мировоззрения и мировыражения. А коли и согрешил, заманчиво окрасив некий древний обряд русичей, то каюсь: «Боже, милостив буди мне, грешному, ибо водопклонение, огнепоклонение, травоволхование, гада-ние – богопротивно, от эллинского беснования».

Крестьянский мир, коему тысячелетия, запечатлённый в русском месяцеслове, суть народное знание природы, благоговейное ощущение тайн Вселенной и правдивая, духовно не украшенная история крестьянской жизни, – истинная история России в сложном и трагическом сплетении христианского и природно-языческого, суеверного.

От древнеславянского язычества* русские обрели великое знание природы от росинки и хвоинки до Вселенной и выстраивали свою обыденную и праздничную жизнь согласно природно-мистическому календарю. Со Святым Крещением и духовным облачением во Христа Бога русские свергли былых идолов, освободились от языческого идолопоклонничества и с веками стали воспринимать мать сыру землю как Творение Божие.

И тем не менее да простит Бог православному крестьянину, который, живя среди дикой природы, привык поклоняться ей, который, завися в своих земледельческих трудах от природных стихий, невольно одухотворял их, хотя понимал, что Бог и через природу взаимодействует с ним, вознося молитвы Иисусу Христу, Царице Небесной, ангелам Божиим, христианским святым.

Среди почитающих, изучающих русскую обрядовую этику лишь глубоко воцерковлённые могли безошибочно увидеть, где вера помрачалась суеверием, где православный церковный обряд подменялся языческим.

Автор сего очерка, ознакомившись с природно-хозяйственными календарями русских крестьян и календарно-обрядовой поэзией и мифологией, прописав времена года, месяцы и обрядово насыщенные дни, составил «Русский месяцеслов», куда ввёл и православный календарь с краткими житиями святых, поскольку былые месяцесловы обычно страдали тем, что составители мимоходом-мимолётом поминали евангельские события, кои в основе народно-христианских праздников, и обходили за версту жития святых, именами которых обозначались дни. А посему эдакие месяцесловы утрачивали исконную христианскую сущность, опустошались, уродливо искажаясь, склоняясь к языческим

* В очерке я не касаюсь научных открытий нынешнего века – генетических, лингвистических, историко-археологических, доказывающих, что русский народ, именуясь ариями, в генетически современном виде появился на свет на Среднерусской равнине около 4 500 лет тому назад. И на основе русского языка через 500 лет, когда русские пришли в Индию, родился и санскрит, предельно родственный и современному русскому языку.

суевериям и заземляясь до хозяйственного календаря и погодных примет.

В составленном мною «Русском месяцеслове» впервые в фольклорно-этнографической, календарной литературе двадцатого столетия церковный и народный календарь были слиты воедино, как и происходило в реальной жизни русского крестьянина. К сему грех забывать, что крестьяне младенцам, окрещённым в церковной купели, по христианским святам давали имена святых, дабы сии небесные покровители оберегали чадо от рождения и до упокоения.

В окаянные девяностые годы прошлого века завершил я долголетнее составление «Русского месяцеслова»; книга по тем временам вышла в свет изрядным тиражом, тысяч в пять; и вскоре бойко разошлась в Прибайкалье, и даже Алтаю досталась. Потом я путешествовал по губернии, гостил в сёлах и мелких городах, навещал библиотеки и клубы и всюду видел зачитанный до дыр «Русский месяцеслов», что книгохранители берегли пуще зеницы ока. В благословенные для литературы времена, когда за книгами охотились, «Месяцеслов...» могли и похитить...

В завершении напутного слова скажу: очерк, разумеется, лишь касается русской народной этики, воплощённой в обрядах и обычаях, ибо мир сей крестьянский безбрежен, словно Вселенная.

137

О величии крестьянской цивилизации... Русскоязычные русоненавистники в надежде на чаевые с холопским подбострастием целуют руку Западной Европе, жестоковойной старой блудне, что густо запудрила корявые морщины, напомадила впа-лые щёки, кровово накарсила губы и дочерна на-сурьмила брови и ресницы вокруг пустых глазниц. Российские западники, целуя руку Западной Европе, подбострастно заглядывая в пустые глазницы, настойчиво и назойливо толкуют миру о рабской сущности, лености, темноте и забитости *вечно пьяного* русского народа. Скверное сие толкование, родившись в позапрошлом веке среди либеральных «просветителей», два века внушалось и русскому народу разрушителями народно-православной российской государственности, что, очевидно, входило в зловещие помыслы мировой сатанократии, для коей Россия, последний приют Господень, что кость в горле.

Западная Европа хотя коварна и люто ненавидит Россию, да не столь глупа, чтобы взять на вооружение дурь о дикости и рабстве русского народа, ибо всякий европеец, будучи в России, воочию зрел не просто великую империю, но великую русскую цивилизацию, которой, очевидно, даже не два, а четыре с половиной тысячелетия. Гащивая в Москве, где красовалось сорок сороков православных храмов,

бывая в иных старинных русских городах, европеец понимал, что не дикий, пьяный и ленивый, но великий, духовно трезвенный народ мог создать сии величавые храмы, в коих воплотились божественный дух, художественный гений и азартное трудолюбие русского народа, до начала прошлого века на девяносто процентов крестьянского.

В былые лета читал о великих технических открытиях прошлых столетий, на коих и поныне держится технократический мир, и оказалось – сплошь плоды русской изобретательности, но, увы, обычно похищенные лукавыми и вороватыми европейцами. Благодаря опять же духовной трезвости, земледельческому таланту, любовному знанию природы, трудолюбию, смиренной житейской неприхотливости и выносливости дореволюционный русский крестьянин с Божией помощью кормил хлебом не токмо Российскую империю, но и пол-Европы.

Когда вопят и о рабской сущности русской души, то говорят верно: всякая крещёная русская душа возвышенно величала себя рабом... Но лишь рабом Божиим; а земное рабство, батрачество, крепостничество переносила с христианским смирением, поскольку завещал Господь в заповедях блаженства: «Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю» (Мф. 5:4,5), поскольку и рече Христос Бог: «Кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом...» (Мф. 20:26, 27).

Даже двухвековое крепостное право не обратило крестьянские души в рабские души, ибо набожные крестьяне понимали волю, как волю от похотей, а не волю ради похотей. Рабами похотей обычно были помещики-рабовладельцы, а порабощённые господами – вольные... Будучи внешне и закрепощённые, крестьяне не теряли внутреннюю, духовную свободу; и рабы Божии жили лишь в рабстве Царю Небесному *...начало премудрости – страх Господень... уповали токмо на волю Божию ...Бог не захочет – и прыщ не вскочит... и порицали своевольников, что взяли за волю, ибо своя воля страшнее неволи.* По сему поводу крестьяне толковали: «вольный» – про скверное, непослушное чадо; «за волю взялась», «за волю взялся» – про девку или парня, что кинулись во все тяжкие... Воля мирская и непослушание – страшный искус лукавого...

Святитель Иоанн Златоуст, словно узрев providческими очесами смиренных русских крестьян, услышав их любомудрым слухом, поведал о рабстве и свободе: «В древности не было раба – Бог, создавая человека, сотворил его не рабом, но свободным. Он сотворил Адама и Еву, и оба они были свободны. Откуда же произошло рабство?.. Род человеческий уклонился от правого пути и, преступив меру в желаниях, дошёл до развращения...».

Далее великий любомудр описывает всемирный потоп, гибель падшего человечества, после чего сохранился лишь праведный крестьянин Ной с домочадцами, скотом и птицами – всякой твари по паре.

«Ковчег остановился и отворились двери, Ной вышел, спасшись от потопления, и увидел землю опустошённую. <...> Посмотрел он на это печальное зрелище; посмотрел на землю, переполненную бедствий, и впал в великое уныние. Все погибли... <...> Мучимый унынием и удручаемый скорбью, он выпил вина и предался сну, чтобы облегчилась рана уныния. Лежал он на ложе, предавшись сну как врачу, чтобы произвести в уме забвение о случившемся. <...> Надо бы сказать в оправдание праведника, что случившееся с ним произошло не от пьянства, но он просто врачевал свою рану. <...> Спустя немного времени взошёл проклятый сын его (Хам, отец Ханаана. – Прим. А. Б.) <...> Войдя, сын увидел наготу отца; следовало бы прикрыть её, накрыть платьем ради старости <...> ради несчастья, ради того, что это отец его. А он, выйдя, разгласил и сделал из того печальное зрелище. Но прочие его братья, взяв одежду, вошли, смотря назад, чтобы не видеть того, о чём тот разглашал. И прикрыли отца. Отец, встав, узнал всё и начал говорить: «Проклят Ханаан, раб рабов будет он у братьев своих». <...> Рабство от греха; от нечестия произошло рабство. Хочешь ли, я покажу тебе освобождение от рабства. <...> Благородство... нрав доставляют свободу; раб и свободный – суть простые названия. Что такое раб? Одно название... Сколько господ лежат пьяные на постели, а слуги стоят подле них трезвые. Кого же назвать рабом? Трезвого или пьяного? Раба ли, служащего человеку, или пленника страсти. У того рабство внешнее, а этот внутри себя носит невольничество...»

Будучи народом добросердечным, русские легко и недолго прощали обиды, но если враги вздымали пядь на Святую Русь, то на шкуре осознавали: нет на земле воителей более грозных, чем русские, ибо, как молвлено в пословице: «*Русак не дурак: с мечом и с калачом не шутит*».

Что греха таить, водились в русском народе, даже в крестьянском сословии, и дикие, и вечно пьяные, и ленивые... В семье не без уроды... Хотя падшие, как отщепенцы, не были людьми типичными в народе, но, вот беда, оборзевшие *оборзеватели* русских нравов из западных сочинителей и здешних обличителей испокон веку обвыклись выдавать частное за типичное и малевать русских лишь чёрным цветом.

Грешно говорить о темноте и дикости русского крестьянина, что создал сверхгениальную и необозримую обрядовую и песенную культуру, далеко

138

превосходящую крестьянские культуры европейских народов. Подтверждение тому – русская песня, вершинный жанр устной народной поэзии. И сказал о сём даже и не русский человек – Рудольф Вестфаль, известный немецкий учёный, исследователь античной филологии и поэзии, знаток немецкой и русской народной этики: «Поразительно громадное большинство русских народных песен, как свадебных и похоронных, так и всяких других, представляют нам такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной нежной поэзии, чисто поэтического мировоззрения, облечённого в высокопоэтическую форму, что **литературная эстетика, приняв раз русскую песню в круг сравнительных исследований, непременно назначит ей безусловно первое место между песнями всех народов земного шара** (Выделено мною. – А. Б.). И немецкая народная песня представляет нам много прекрасного, задушевного и глубоко прочувствованного, но так узко течение этой песни в сравнении с широким потоком русской народной лирики, которая не менее немецкой поражает ваше впечатление, но зато далеко превосходит её своею несравненной законченностью формы... Философия истории имеет полное право вывести из этого дарования самые светлые заключения для будущности русской истории».

Худо-бедно до середины прошлого века почти все крестьяне знали народные песни, пришедшие из далёкой русской старины, но жили по деревням и селам сказители, певни, плачеи (вопленицы), что могли исполнить и сказку, и бывальщину, и быличку, и песенную былину, и зауспокойную причеть. Вот где зримо видится, слышится, чувствуется сердцем великая народная поэзия...

Образец плача (вопля), божественного по духу и слову, старины записали с вещей уст северорусской крестьянки Ирины Федосовой:

*Вы послушайте, народ – люди добрые,
Как, отколь в мире горе объявилось.
Во досюльны времена было годышки,
Жили люди во всём мире постатейные,
Они ду-друга, люди, не терзали.
Горе людюшек во ты поры боялося,
Во темны леса от них кидалось;
Но и тут было горюшко не местечко:
Во осине горькой листве расшумелось,
Того злое это горе устрашилось;
<...>
Уже тут злое горюшко кидалось,
В окиян сине славно оно морюшко,
Под колодину оно там запихалось;
Окиян-море с того не сволновалось,
Вода с песком на дне не помутилась;
<...>*

*Много множество е в мире согрешения,
Как больше того е в мире огорченья.
Хоть повыстанем по утрышку ранёшенько, –
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах да не прощаемся.
Знать, за наше за велико беззаконье
Допустил Господь ловцов да на киян-море,
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое.
Зло несносное, велико это горюшко
По Россиюшке летаёт ясным соколом,
Над крестьянами злодийно чёрным вороном.
(Из «Плача по писаре»)*

* * *

*Послушайте словеса наши старинные,
Заприметье того, малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбущуется,
На синем море волна да порасходится,
Будут земские все избы испражнятися,
Скрозекозные судьи да присылаются;
Все изменятся пустыни богомольные,
Разорятся все часовеник спасённые!
(Из «Плача о старосте»)*

Я поведал о русской народной поэзии, что в песне обрела божественное звучание, по мнению германского филолога, мудрым и украсным словом превзошла народную поэзию европейских наций, что и подтверждает мысль о художественной талантливости русского крестьянства.

К сему типичный русский мужик, не зюзя подзаборный, пусть батрак, но не кулак, в отличие от европейского крестьянина, в отличие и от доморощенной образованщины, траченной чужебесием, жил с жадной святости, а избранные Богом восходили и к юродству Христа ради. Свою душу крестьянин оберегал верою, молитвою и постом; оберегал традиционным домостроем, жизнью среди природной красоты и чистоты; оберегал каждодневным натуральным созидательным трудом – вольный, азартный, вдохновенный труд укрощал плоть, отвращал от грехов и пороков, в праздности затыгивающих душу зелёной болотной ряской.

Александр Герцен, возвращённый на безбожной и бунтарской западной философии, зрелые лета проживший в Европе, но... странно слышать... имевший, по его признанию, «чувство безграничной обхватывающей всё существование любви к русскому народу, к русскому складу ума», писал о российском крестьянстве: «Нам надобно освободиться от нравственного ига Европы, той Европы, на которую до сих пор обращены наши глаза... Нашу особенность, самобытность составляет деревня со своей общинной самозаконностью, о

мирской сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол».

Из моего восхваления крестьян не следует, что автор сего очерка, бывший сельский житель, приукрашивает русское крестьянство, ибо далее речь пойдёт и о противоречиях народной души, где мучительно смешалось верное и суеверное. Оценка деревенскому простолюдию дана лишь в сравнении с иными российскими сословиями и нынешними временами, когда русские стремительно теряют исконный и спасительный духовно-нравственный образ.

* * *

Земное и небесное крестьянское знание...

Разумеется, смешно и грешно даже помыслить о темноте и дикости русского крестьянина, что с древнейших лет обладал вселенским знанием: ведал природу земную от матери сырой земли и до божьей коровки, ползущей по стеблю осоки; чуял предвестия летних гроз и зимних метелей; по небесному лику с рассветами и закатами, по солнцу, луне и звёздам провидел погоду и грядущий урожай, и приплод. Из сего благоговейного вселенского знания русский крестьянин породил столь календарных примет, пословиц, поговорок, сколь звёзд на Млечном Пути, придав речениям глубинный индоевропейский смысл и словесно столь благолепно облачив речения, что взревновали даже Богом одарённые книжные поэты.

Вот лишь малая толика избранных речений, что украсили мой «Русский месяцеслов»:

Нам, грешным, и ветер навстрешный.

Гуси летят – зимушку на хвосте тащат.

Батюшка-покров, избушечку покрой теплом и добром, а меня, молодю, кокошником (женишком, венцом).

Зори пляшут – к године (к урожайному году).

После солнворота, хоть на воробьиный скок, да прибудет денёк.

Месяц просинец – зимы царь-государь.

Январь тулуп до пят надевает, хитрые узоры на окнах расписывает.

Февраль-бокогрей, бок корове обогрей, бок корове, и быку, и седому старику.

Вечера Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал.

Жили у брата три сестрицы: весна-молодица, зима-белолица и осень-водяница.

Вздел Ярило зиму на вилы.

Весна на рябой кобыле едет (переменчивая погода).

Прилетела овсянка, запела веснянку: «Покинь сани, возьми воз».

Налетели грачи, стали зиму толчи, пить снегов молоко.

Осень говорит: «Я поля уряжу», а весна говорит: «Я ещё погляжу».

Май-травень лес наряжает, лето в гости поджидает.

Пришёл май – под кустом рай.

Рожь говорит: «Сей меня в золу да в пору»; овёс говорит: «Сей меня в грязь, будешь князь».

Зашепчет дождь тихим голосом – поднимется рожь тучным колосом.

Дождь вымочит, солнышко высушит, а буйны ветра голову расчешут.

Ласточка прилетела, горох сеять велела.

Горох да девка – завидное дело: кто ни пройдёт, всяк щипнёт.

Июнь с косой по лугам прошёл, а июль с серпом по хлебам побежал.

Сбил сенозорник (июль) у мужика мужицкую спесь, что некогда и на печь лечь.

Кабы на лопух не мороз, он бы и тын перерос.

Август-густарь – страды государь.

В августе всего в запасе: и дождь, и ведро, и серопогодьё.

Колос от колоса – не слышать голоса, копна от копны – день езды, стог от стога – дальняя дорога (скудные хлеба).

Плох овёс – наглотаешься слёз; не уродится рожь – по миру пойдёшь.

190 Пришёл сон из семи сёл, пришла лень из семи деревень.

Журавль летит с моря убавить нам горя.

Прилетел гусь на Святую Русь: погостит да улетит. «Прощай, матушка-Русь, я к теплу потянусь...» – курлычет журавль, отлетая на юг.

Певчая птица прежде погибает.

Ноябрь – сумерки года.

Скатерть бела весь свет одела.

Охала Маланья, что уехал Ананья. Охнет и дед, что денег нет.

Не гляди свинье в рожу, а корми её рожью.

Не во всякой туче гром; а и гром, да не грянет; а и грянет, да не по нас; а и по нас – авось опалит, да не убьёт.

Изрядно календарных пословиц, поэтически речённых, посвящено небу, солнцу, луне и звёздам, а также небесным стихиям (ветер, метель, снегопад, дождь, зной), и, как во всяких подобных речениях, кроме прямого смысла – приметы Вселенной, есть и глубинный переносный, нравственный смысл, сильный для осмысления не книжным мудрецам, а народным любомудрам:

Зимой солнце сквозь слёзы улыбается.

Зимнее солнце, что вдовье сердце.

Солнце – родная матушка, месяц – родной ба-
тушка, звёзды – родные сестрицы.

Не заслонишь солнца рукавицей, не убьёшь мо-
лодца небылицей.

На солнышко во все глаза не взглянешь.

Солнце сияет на благия и злыя.

А сколь мудрых и благолепных пословиц и пого-
ворок породило русское любомудрие о супруже-
стве, муже и жене:

Дева русская: грудь лебедина, походка павлина,
очи соколы, брови соболю; взглянет, что огнём
опалит, а слово молвит – рублём подарит.

Не спится, не ложится, всё про милого грустится.

Запрягай дровню, ищи себе ровню.

Его невесты на том свете козлов пасут.

Кто на борзом коне жениться поскачет, тот ско-
ро поплачет.

Падка коза до соли, а девка до воли.

Глупому мужу красная жена дороже красного
яйца

Как начнут рожь жать, тогда и баб людьми звать.

У хорошей жнеи снопочек – як куколка, а у пло-
хой – як ворона.

Первая жена от Бога, вторая – от человека, тре-
тья – от чёрта.

От пожара, от потопа и от злой жены, Боже, со-
храни.

Муж задурит – половина двора горит; а жена за-
дурит – и весь сгорит.

Пригожая жена – лишняя сухота.

Мужнин грех за порогом остаётся, а жена грех
домой несёт.

Хоть плох муженёк, да затулье моё: завалюсь за
него – не боюсь никого.

Не хвали жену телом, а хвали делом.

Птица крыльями сильна, жена мужем красна.

На что корова, была бы жена здорова.

Бил жену денёчек, сам плакал годочек.

Не надобен и клад, коли у мужика с женой лад.

Муж жене – отец, жена мужу – венец.

Не верь ветру в поле, а жене в воле; воля и до-
брую жену портит.

Жена ублажает – лихое замышляет.

Мать плачет, что река льётся; жена плачет, что
ручей течёт; невеста плачет – как роса падёт: взой-
дёт солнце – росу высушит; на вдовий двор хоть
щепку брось, и за то Бог помилует.

Из подобных образно изложенных примет и по-
говорок можно составить многотомное собрание
мудрых речений, но крестьянская поэзия воплотилась
и в календарно-обрядовых песнях, и в сказках,
и даже в шутках-прибаутках, заговорах, закличках,
присловиях. Скажем, с Емельяна-перезимника

(21 января), которого ещё величали Емельян – на-
крути буран, в долгие зимние вечера сказывали
сказки, побывальщины, прочие старины, отчего и
поговорка: «Мели, Емеля, твоя неделя». Впрочем,
бывало, и не с Емельяна, а с Покрова Божией Мате-
ри (14 октября) крестьяне, завершив осеннюю
страду, собирались на долгие вечерние беседы, где
и слушали сказителей. А у сказителей речь – золо-
тая россыпь поэтических присловий...

Где вы, Петры и Павлы (12 июня), ночевали? В
городе Ерусалиму, в Божьей церкви на престоле;
ключи, замки обронули, нечем грешну душу пропу-
стити: грешна душа согрешила, младенца в утробе
потребила, всякими зельями заедала, всякими тра-
вами заливала; попала в тар-тары, в огонь горячий,
попала в тар-тары, в смолу кипучу.

Пресвятая Богородица, почто рыба не ловится?
Либо невод худ, либо нет её тут.

Звал ячмень пшеничку: «Пойдём туда, где золо-
то родится, мы там будем с тобой водиться». Пше-
ничка сказала: «У тебя, ячмень, длинен ус, да ум ко-
роток; зачем нам с золотом водиться, оно к нам и
само привалится».

Рожь говорит: «Колошусь!» А мужик: «Не нагля-
жусь!».

«Жворонки, прилетите, студену зиму унесите,
теплу весну принесите. Зима нам надоела, весь
хлеб у нас поела!» – пели дети на день Сорока му-
чеников.

По поднебесью, братцы, медведь летит: мед-
ведь летит, хвостом вертит. Свинья на ели гнездо
свила, гнездо свила, деток вывела, милых деточек,
поросяточек. Поросятки по сучкам висят, по сучкам
висят, полететь хотят.

«Федул, чего губы надул?» – «Кафтан прожёт». –
«Велика ли дыра?» – «Один ворот остался».

Сия любомудрая, краснопевная русская поэзия,
что не сходила даже с заурядных крестьянских уст, а
что уж говорить о сонме деревенских сказителей...
Разве могли в тёмном, забитом деревенском люде
родиться пословицы, подобные сей: **«Своя воля
страшнее неволи»**?! В четырёх словах – великий
богословский трактат о языческой воле, что на грани
преступной вседозволенности, и христианской воле,
где даже раб галерный в душе волен, ибо он лишь
раб Божий... Пословица сия – воистину проповедь,
достойная боговдохновенного священника...

За четверть века великая русская плачеха Ирина
Федосова, неграмотная крестьянка, пророчески
провидела, **что** после революции свершит над
Святой Русью антихристово племя, умело исполь-
зуя оскудение веры в русском народе, разогревая
языческую страсть к *внешней воле* – суть вседоз-
воленности.

Коли искусство русских крестьян, корни коего в арийском, скифском, древнеславянском прошлом, превзошло народное искусство европейских наций, то и профессиональное русское искусство превзошло, и не столь даже мастерством, сколь, опять же, *божественным* духом, что, опять же, почерпнуло в народно-православном поэтическом слове.

Думаю, после выше речённого толковать о темноте и дикости русских крестьян могут лишь холопы, за чечевичную похлёбку, за тридцать сребреников нанятые князем тьмы, а чернокрылого падшего ангела испокон веку корёжило от народного православного русского духа.

ДВА ВЗГЛЯДА НА РУССКОЕ ЯЗЫЧЕСТВО

Крещение язычников... Крестьянская пословица гласит: «*Ева прельстилась древом, простонала чревом, Адам грех сотворил – рай затворил*»... После изгнания из райского Эдема Евы, искушённой дьяволом, и Адама, соблазнённого Евой, история человечества – история стремительного зарождения и распространения идолопоклонничества, суть язычества, когда племена и народы, забыв незримого Творца, поклонялись лишь зримым созданиям Бога – солнцу, луне, грозам, ветрам, камням, деревьям, рекам и морям, воплощая их образы в деревянных, каменных, бронзовых и даже золотых истуканах (*болванах* – на Руси). Отвергнув Бога, язычники погрузились в пучину пороков, ибо «помышление сердца человеческого – зло от юности его. <...> И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце своём. Земля растлилась пред лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями». (*Быт. 8:21; Быт. 6:6–11*), отчего Господь, пощадив лишь Ноя, его семейство и всякую тварь по паре, смыл падшее человечество с лица земли.

С нарождением язычества история человечества – история борьбы верующих во Единого Бога (Иегова) с многобожием идолопоклонников... В борьбе той ветхозаветные пророки, потом Христовы апостолы, первохристиане и сонм святых страстотерпцев обрели мученические венцы Христа ради от язычников (в Древнем Риме растерзанные тиграми под рёв ликующей публики) и от *богоизбранных* иудеев, кои, случалось, пуще язычников пытали христиан. Хотя ветхозаветные пророки испокон человеческого века внушали *богоизбранным*: «Господь – царь на веки, навсегда; исчезнут язычники с земли Его...» (*Пс. 9:37*). «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся» (*Иер. 10:2*).

Если Адам и Ева, извергнутые из райской обители за грехопадение, раскаялись и жили во внушении Божиим, то уже их сын Каин, убивший брата Авеля, жил по образу и подобию *поганных* язычников: «Житейские заботы до такой степени поглоща-

ли все силы Каиново поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями»*.

Согрешая и каясь, ветхозаветные предтечи христиан по Божиему внушению блюли нравственные устои, подобные русскому домострою, а язычники от вольных нравов низвергались дьяволом в сладострастное гноевище пороков, – вспомним порочные города Содом и Гоморру... Согласно Библии, в эпоху Авраама города Содом и Гоморра утопали в дикой роскоши и языческих похотях, и коль жители сих поселений «были злы и весьма грешны» (*Быт. 13:13*), то «пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сии, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и (все) произрастания земли» (*Быт. 19:24–25*).

Даже Богом избранный еврейский народ, что по воле Божией должен был принести языческому миру спасение, вдруг забывал Господа и, сжигая жертвоприношения на языческих капищах, клонил выю, падал ниц то перед золотым тельцом, то перед истуканом Ваалом, то перед блудницей Стартой и впадал в такое неистовое идолопоклонничество и блудодеяние, что дивились закоренелые язычники и от гнева содрогались небеса. Потомки Моисея, камнями побивавшие ветхозаветных пророков (даже меж алтарём и жертвенником), утерявшие Божию избранность, на голгофском кресте распяли и Сына Божия, опять же пророками и предречённого.

Иисус Христос, а потом и святые апостолы, браня идолопоклонничество, проповедовали язычникам Слово Божие, чему яро противились распявшие Христа: «...В следующую субботу почти весь город собрался слушать Слово Божие. Но иудеи, увидев народ, исполнились зависти и, противореча и зловля, сопротивлялись тому, что говорил Павел. Тогда Павел и Варнава с дерзновением сказали: «*Вам первым надлежало быть проповедану Слово Божие, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот мы обращаемся к язычникам (выделено мной. – А. Б.)*. Ибо так заповедал нам Господь: «Я положил Тебя во свет язычникам, чтобы Ты был во спасение до края земли». Язычники, слыша это, радовались и прославляли слово Господне, и уверовали все, которые были предуготовлены к вечной жизни» (*Деян. 13:44–48*).

Ученики Христа и сонм святых апостолов крестили и облекали во Христа идолопоклонников раз-

* Лопухин А. «Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет» с иллюстрациями Гюстава Доре. URL: <http://www.books.google.ru/books.id>.

ных держав, и, по преданию, апостол Андрей Первозванный с христианской проповедью вошёл в языческую Русь. В преддверии русского церковного раскола иеромонах Арсений Суханов в прениях с греческими иерархами, среди коих оказался иерусалимский Патриарх Паисий, доказывая апостольскую истинность Русской православной церкви, говорил: «Напрасно вы хвалитесь, что и мы от вас приняли крещение. Мы приняли крещение от святого апостола Андрея, который из Византии приходил Чёрным морем до Днепра, а Днепром до Киева, а оттуда до Новгорода...».

Разумеется, долгим и сложным было обретение вчерашними многобожными идолопоклонниками веры во Единого Бога Отца Вседержителя; мучительно восходил русич из тьмы языческой ко Христову Слову, чтобы, вслушавшись, поверив, спасти душу от геенны огненной. Среди мирских учёных и богословов выработались две крайние точки зрения о язычниках Древней Руси, хотя истина, может быть, и посередине. Мирские мудрецы, постигающие восточнославянское и собственно русское язычество, сопоставляя его с христианством, либо давали, как им чудилось, верную картину развития народного мировоззрения, ибо устранялись от идеологических пристрастий – от веры во Христа, от языческого идолопоклонничества, но и от воинственного атеизма; либо, как в дореволюционной либерально-демократической и советской историографии и философии, с дерзким атеизмом осуждали религиозность народного мировоззрения, при сем смешивая веру во Христа с языческими суевериями и поощряя лишь материалистические, рациональные начала крестьянской жизни.

Два сих взгляда на русское язычество родственны, ибо в корне их безбожие, обретающие злоеvidence признаки богоборчества. А более духовные народоведы, тем паче богословы, соглашаясь с тем, что принятие христианства стало душеспасительным явлением для русских, расходились в мнениях о том, сколь душевно были приуготовлены язычники Древней Руси ко Святому Крещению.

Суровые богословы утверждали, что русы-язычники – скверноубийцы и любодее... В статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» ясно выражено отношение Русской православной церкви к славяно-русскому язычеству: «Среди православных или близких православия людей можно нынче встретить суждения о некоем особом славянском язычестве, будто бы менее причастном демонизму, чем языческие верования других народов (отсюда иногда делается положительная оценка действительно имевшего в народе место, но всегда осуждавшегося Церковью двоеверия), о изначально (понимай, в язычестве) доброй славянской (а ныне скажут и украинской)

душе, о патриархальном и гармоничном дохристианском мире Руси, естественно вросшем в мир христианский. Вспомним немного истории. Святой патриарх Константинопольский Фотий в своём знаменитом Окружном послании 867 года, посвящённом крещению болгар, писал: «И не только этот народ (болгары) променяли прежнее нечестие на веру во Христа, но даже <...> **пресловутые, в жестокости и скверноубийстве всех оставляющие за собой,** так называемые руссы, которые <...> в настоящее время променяли языческое и нечестивое учение <...> на чистую и неподдельную веру» (выделено мною. – А. Б.). (В скобках заметим, что святой Фотий, вдохновитель миссии и близкий друг Кирилла и Мефодия, славянофобом, конечно же, не был.) Видятся весьма важными эти слова Святого Константинопольского Патриарха, сказанные на заре нашей истории. Не соединение ветхого и нового, «хорошего» язычества с ещё лучшим христианством, но отвержение прежней скверны, прежней безнравственности, прежней небытийности и облечение во Христа, неразрывно связанное с непрерывным аскетическим делением, осуществляемым под руководством Церкви, которое имеет целью возвысить и выковать душу каждого отдельного христианина, а через то и всего христианского народа. Только свет Христов, воссиявший на Русской земле, сделал возможным появление через поколение от язычника Святослава, во время одного из своих бравых походов посадившего на кол после взятия города Филипполя 20 тысяч (!) единокровных болгар, – святых князей страстотерпцев Бориса и Глеба, предпочетших смерть по Закону Христову братоубийственному кровавому противостоянию*.

* * *

Жили с жадной Бого... Иисус Христос обличал язычество: «Иисус говорил им: «На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите» (Мф. 10:5); но, случалось, Спаситель ставил язычником в пример благодетельным, единобожным иудеям. Вспомним самарянина, что спас иудея, коего ограбили лихие разбойники, избили до полусмерти и бросили на обочине дороги, а ранее проходили мимо иудейский священник и левит и не помогли соплеменнику (Лк. 10:33); вспомним об очищении Христом десяти прокажённых, когда лишь самарянин «пал ниц к ногам Его, благодаря Его», а девять иудеев даже не поклонились (Лк. 17:16); вспомним самарянку Фотину**, что встретила со Христом у коло-

* Козлов М. Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном // Литературный Иркутск. 1991.

** Сия самарянка обрела мученический венец за Христа при Нероне, императоре Рима (66 год от Рождества Христова), и в православных святцах величается: «Мученица Фотина (Светлана) самырянна».

дезя, уверовала, следом уверовали и прочие самаряне; вспомним дивную беседу Христа с язычницей-хананеянкой, что «кричала Ему: помилуй меня, Господи, сын Давидов, дочь моя жестоко беснуется». Он же сказал в ответ: «Я послан только к погибшим овцам дома Израилева». А она, подойдя, кланялась Ему и говорила: «Господи! Помози мне». Он же сказал в ответ: «Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам». Она сказала: «Так, Господи! Но и псы едят крохи, которые падают со стола господ их». Тогда Иисус сказал ей в ответ: «О женщина! Велика вера твоя; да будет тебе по желанию твоemu». И исцелилась дочь её в тот час» (Мф. 15:22–28). Проповедуя любовь ко Вышнему и ближнему, Спас Вседержитель, случалось, упрекал иудеев, что и среди них не находил такой веры, какую встретил среди язычников, кои лишь облачались во Христа.

В предшествующей главе мною поведен один взгляд на языческую Русь, вернее, степень духовной готовности Руси ко Святому Крещению, облачению во Христа; и согласно сему взгляду, ветхие русы по жестокости превосходили чужеземных язычников, и христианство им было враждебно. Но есть и другое историческое, богословское суждение о том, что древние русичи уже накануне княжения святого Владимира жили с жадной Божией...

Не случайно в древнерусской летописной «Повести временных лет», в главе «Слово о проявлении Крещения Руская земля святого апостола Андрея, како приходил в Русь», речено, что святой апостол Андрей Первозванный у Киевских гор пророчески предрёк богоносную судьбу Святой Руси: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах возсияет благодать Божия, имать град великий быти и церкви многи Бог въздвигнути имать...».

«По промыслиению Божию он дошёл до реки Днепра в Российской стране и, пристав к Киевским горам, остановился на ночлег. Встав поутру от сна, он сказал бывшим при нём ученикам: «Верьте мне, что на этих горах воссияет благодать Божия; великий город будет здесь, Господь воздвигнет там много церквей и просветит святым крещением всю Российскую землю». Взойдя на горы, святой благословил их и водрузил крест, предвозвещая принятие народом, обитавшим здесь, веры от своей Апостольской кафедры, основанной в Византии. Пройдя и выше лежащие российские города, где расположен ныне великий Новгород...» (Подвиги и страдания святого Апостола Андрея Первозванного // Жития святых святителя Димитрия Ростовского).

В сопровождении учеников, среди коих могли быть и русичи, святой апостол Андрей пошёл из Киева в Новгород, где дивился тому, что здешние горожане, моясь в банях, хлещут по телу «молодыми прутьями» дуба и берёзы, обливаясь квасом и студёною водой. Но в древнейших списках и вариантах

сего предания не упоминается о том, что Андрей Первозванный проповедал новгородцам Христово Слово; а по сему профессор Московской духовной академии Евгений Голубинский усмехался, де, неужели святой проповедник явился в новгородских землях лишь для того, чтобы лицезреть русские обычаи и дивиться ярым парильщикам.

Профессор Антон Карташёв, опираясь на предания новгородские, так толкует гостевание святого апостола в сем древнем русском граде: «У русского автора-южанина в рассказе о новгородских банях, очевидно, была и определённая, не особенно высокая цель. Так, прекрасно возвеличив свой родной Киев, он (по русскому обычаю трунить над всяким, кто не нашей деревни) решил выставить новгородцев пред апостолами в самом смешном виде. Новгородцы так это и поняли, потому что в ответ на киевскую редакцию повести они создали свою собственную, в которой, не отвергая прославления Киева и умалчивая совершенно о банях, уверяют, что апостол Андрей «во пределы великого сего Новаграда отходит вниз по Волхову, и тут жезл свой погрузи мало в землю, и оттоле место оно прозвася Грузино... Чудотворный жезл этот «из дерева незнаемого» хранился, по свидетельству жития святого Михаила Клопского, в его время (1537 год) в Андреевской церкви села Грузина».

Средневековые источники повествуют о хождении святого Андрея в Новгород, где апостол воздвиг крест около нынешнего села Грузино на берегу Волхова; затем пошёл к Ладожскому озеру и далее до острова Валаам, где установил каменный крест и истребил капища богов Велеса и Перуна, обратив в христианство языческих жрецов.

Покинув Русь, Андрей Первозванный прошёл через земли варягов в Рим для проповеди и вновь вернулся во Фракию, где в небольшом селении Византии, будущем могучем Константинополе, основал христианскую Церковь. Имя святого апостола Андрея связывает мать – Церковь Константинопольскую – с её дочерью – Русской церковью. Святой Андрей был распят на косом кресте язычниками города Патры. Косой Андреевский крест начертан на русских морских флагах...

О духовной готовности русичей ко святому крещению писал протоиерей Лев Лебедев в книге «Крещение Руси». В главе «Русское язычество» православный писатель ведаёт о том, как, согласно «Повести временных лет», при князе Владимире в 983 году была попытка принести в жертву идолу («богам») одного юного христианина из варягов, но ритуального жертвоприношения не случилось, а было трагическое событие, ставшее пределом жертвоприношения. По описанию историка Николая Карамзина, вышло так: «Народ вооружился, разметал двор Варяжского Христианина и требовал

жертвы. Отец, держа сына за руку, с твёрдостью сказал: «Ежели идолаи ваши действительно боги, то пусть они сами извлекут его из моих объятий». Народ в исступлении ярости умертвил отца и сына, **которые были таким образом первыми и последними мучениками христианства в языческом Киеве** (выделено мной. – А. Б.). Церковь наша чтит их святыми под именем Феодора и Иоанна». В отличие от иных варваров, не успев войти в ритуальную жизнь славян-русов, человеческие жертвоприношения ушли в небытие.

«Вот своеобразный пик истории, грозное столкновение язычества с христианством на Руси! – писал протоирей Лев Лебедев в славном сочинении о крещении русского народа. – Слово молния, прорезало оно и осветило небосклон русской духовной жизни, потрясло эту жизнь до каких-то последних глубин... В летописи за 983–988 годы отсутствуют какие-либо свидетельства о человеческих жертвоприношениях идолам. Весьма вероятно, что именно мученическая кончина варяга Феодора и сына его Иоанна положила конец таким жертвам. Нигде раньше 980 года наша летопись не говорит о человеческих жертвоприношениях. Нет никаких указаний на такие жертвы и в других исторических материалах. Можно думать, что человеческие жертвы идолам есть явление, чуждое Руси, привнесённое, находящееся в связи с пантеоном кумиров, поставленных Владимиром на холме за княжеским двором, и через три года прекратившееся.

<...> Ни Перуну, ни Волосу не приносили в жертву людей. Идолу Святовита у прибалтийских славян, как известно, жертвовали плоды земледелия, главным образом – испечённый в рост человека хлеб. В Древней Руси в жертву идолам приносили тоже плоды земледельческого труда, в основном печёные хлеба»*.

После Святого Крещения русские, равно и прочие восточнославянские народы, уже не ради жертвоприношения, а ради освящения приносили в храмы житные снопы (*первый сноп – Богу*), хлеб и плоды земледелия. Вспомним три августовских Спаса: медовый Спас – начало Успенского поста (*14 августа*), яблочный Спас – Преображение Господне (*19 августа*) и ореховый – когда столы пред алтарём ломаются от яств, что после божественной литургии батюшка освящает.

Если сравнить с первыми веками христианства, когда за проповедь Христа ради, за исповедование Христа, от рук иудеев и язычников (древнеримских, древнегреческих и прочих) гибли тысячи первохристиан, то в России христианство засеялось тихо, мирно и взросло, взросло, словно уже на духовно изготовленной в язычестве, плодородной почве.

* Лебедев Л. Крещение Руси. М.: Изд-во Московской патриархии, 1987. С. 45.

Христианские мученики, очевидно, и на Руси прославились, но единицы, и лишь в XX веке, когда в России воцарились богоборцы, мученические вены обрели тысячи православных христиан.

«Ранее, – продолжает протоирей Лев Лебедев, – когда мы говорили о нравственных началах Руси, мы выяснили, что обладавшие кротким и тихим нравом поляне явились духовным ядром Руси; они же стали и политическим ядром русской государственности. Их нравственность не могла не привлекать, и действительно, как мы потом подробно рассмотрим, давно привлекала к Руси особую Божию благодать: с IX века многие русские, среди них и князья, становились христианами; уже при Игоре в Киеве стояла Православная церковь во имя пророка Илии; уже приняла Святое Крещение равноапостольная княгиня Ольга, глубоко почитавшаяся всеми русскими людьми, в том числе и язычниками. Следовательно, не что иное, как промыслительная предуготовленность Руси к принятию христианства, выражавшаяся в нравственной чистоте и праведности её самого важного центра, и уже начавшееся распространение христианства возбудили особую зависть диавола, стали ему, как «терние в сердце». «Жребий» зависти дракона падает на русскую землю точно так же, как пал он на Иоанна, сына варяга-христианина. Причём падает прежде всего на духовное «сердце» и государственную столицу Руси – Киев. Здесь пытаются совершить беспрецедентные для Руси приношения в жертву идолам. Результат, как видим, оказался обратным: Русь отшатнулась от таких жертв.

<...> Не «углубилась» Русь и в идолослужение до такой степени, чтобы иметь идольские храмы и каству жрецов, хотя по соседству со славянами, в Причерноморье, находились колонии Греции (впоследствии – Римской империи), где были и храмы, и жрецы.

<...> Отвергнув различные соблазны диаволопоклонства и тайнознаний, суливших особую власть над силами тварного бытия, Русь закономерно оставалась с одной жаждой Бога, который выше всей твари взятой. По этой же причине Русь оказалась и особо предуготовленной к его восприимчивости.

Словом, по мнению протоиерея Льва Лебедева, языческая Русь «жила с одной жаждой Бога», в чём и выразился второй, противоположный первому, милый русской душе взгляд на степень душевной готовности древних русов ко Святому Крещению и облачению во Христа.

Среди русских церковных писателей испокон православного века бывали любомудры, в лад коим и толковал протоирей Лев Лебедев о русах-язычниках. В далёком 1049 году митрополит Иларион в своём божественном творении «Слово о Законе и благодати» добрым словом поминает и языческую

175

Русь, свет уже в сумраке древнерусской души мерцал любовью к ближнему, и на добрую землю пало семя Христова Слова.

Поминая языческих князей Игоря и Святослава, митрополит Иларион восклицает:

*...Те в лета своего владычества
мужеством и храбростью прославились
в странах многих
и победами, и крепостью поминаются ныне
и прославляются.
Ибо не в худой и неведомой земле
владычествовали,
но в Русской,
что ведома и слышима
всеми четырьмя концами земли.
Сей славный – от славных родился,
благородный – от благородных
каган наш Владимир.*

В помянутой выше статье Михаила Козлова «Назад к Перуну? Заметки о язычестве древнем и современном» речено верно: воспевать язычество – смертный грех, сознательное, бессознательное служение бесам (*бесам жряху*). Но русской душе трудно согласиться с тем, что именно восточно-славянские и собственно русские язычники выделялись из других языческих народов особой свирепостью, жестокостью и человеконенавистничеством. Для примера, вроде типичного, приводится жестокая расправа князя Святослава после взятия города Филипполя над двадцатью тысячами болгар. Не обеляя русского князя, можно лишь молвить: война есть война – дело богопротивное и человеконенавистническое, кроме войн оборонных и освободительных. Ведь и преподобный Сергей Радонежский, духовный светоч Земли Русской, благословил великого и святого князя Димитрия Донского на битву с монголо-татарами: «Если требует чести, отдай, если ищет золота, отдай; но за веру православную и Христову церковь нам подобает и кровь свою пролити и живот свой положить...». А святитель Филарет так рассудил о войне: «Гнушайтесь убо врагами Божиими, поражайте врагов отечества, любите враги ваша. Аминь».

Говоря о жестоковийном князе Святославе, опять же, чему удивиться, коли ведать о древних войнах, когда победители не токмо двадцать тысяч, но сотни тысяч побеждённых побивали камнями, распинали, вырезали, закапывали живьём. Сотнями тысяч истребляли детей и стариков, лишь юношей оставляли вживе, набив им рабские колодки, да юниц угоняли в блудодейные гаремы. Даже богоизбранный еврейский народ, обретая землю обетованную, побеждая соседние царства, вырезал язычников сотнями тысяч, не жалея женщин и де-

тей. И се творилось, согласно Ветхому Завету, с «Благословения Иегова». Мало того, случилось, Господь «гневался и карал» богоизбранных, коли те истребляли не всех покорённых язычников, коли избранным сохраняли жизнь, угоняя в рабство.

Похвально помянутый митрополитом Иларионом в «Слове о Законе и Благодати» воитель Святослав, что жестоко карал врагов, не повод для утверждения о том, что русы выделялись из прочих языческих племён более изощрённой жестокостью, «скверноубийством», ибо даже христианские царства после военных побед устраивали такие расправы над покорёнными, что меркли и злодеяния князя Святослава. Германцы, католики либо протестанты, что в прошлом веке покоряли Россию, восклицали: «С нами Бог!..», и, мол, мы дарим христианам избавление от большевиков-богоборцев. «Избавляя» русский народ от антихристовой большевистской власти, германцы сгубили не двадцать тысяч, подобно князю Святославу, а десятки миллионов, при сем пытали и казнили побеждённых с такой дьявольски изощрённой жестокостью, какая даже и в страшном сне не снилась князю Святославу и прочим русам-язычникам. Впрочем, гитлеровские германцы лишь ради обманного красного словца всеу трепали Имя Божие, а по духовной сути, подобно большевикам, были враждебны Христу и тяготели к языческому мистицизму, где славилась не любовь к Вышнему и Ближнему, а культ внешней *арийской* силы и воинственной воли, перед которой должен пасть ниц *слабосильный и безвольный* христианский мир. Фридрих Ницше, ненавидящий христианство, размышлял: «Христиане тяготеют миром дольным (земным), мечтают о мире горнем (небесном). Так, может, помочь христианам вознестись на небеса, чтобы не путались в ногах у сильных мира сего».

Но вернёмся к русскому язычнику, что, по мнению избранных богословов, всё же был душевно приуготовлен к принятию Святого Крещения... Писатель Валентин Распутин по сему поводу в слове на празднике «Всех святых, в земле российской просиявших» сказал: «Представьте себе, насколько это было чудом в русской истории – обретение народом-язычником христианской религиозности. Русь, которая в 988 году крестилась, была союзом языческих племён, и племён жестоких. <...> Русскому народу необходимо было принять именно эту веру: народ имел к ней душевную предрасположенность; это было лицо, коего искали русичи, и христианство было нужно народу как воздух. <...> И сейчас, когда нам говорят, что Русь древняя была жестокая, варварская страна, то говорят заведомую неправду...».

Здесь в рассуждения писателя, видимо, невольно, от любви к русичу вкралось противоречие:

176

не может Русь, коли «*была союзом языческих племён, и племён жестоких*» (!), иметь в то же время «*к ней (вере христианской. – Прим. А. Б.) душевную предрасположенность*». Противоречие усиливается, когда писатель считает заведомой ложью слова о том, что «*Русь древняя была жестокой, варварской страной*».

Думаю, восточнославянское (русское) язычество было мягче, чем язычество иных племён, и подтверждением тому уже и то, что восточные славяне (русские) вышли из скифов-пахарей, что были миролюбивее скифов-кочевников и скотоводов, от коих пошли тюркские племена. Впрочем, думаю, не столь важно, жесточе или мягче было русское язычество, чем у прочих народов; правда лишь в том, что русскому человеку душно жилось в языческом гробу: душа болела и металась, искала душеспасительную истину, которую, наконец, и обрела в христианстве.

Не обделённые совестью, русичи в последний век перед Святым Крещением жили с жадной Истинного Бога, коль так быстро русичи своротили былых идолов, пустили Перуна по течению Днепра, коль христианство вскоре стало русским государственным вероисповеданием.

Со Святым Крещением русские поселяне, с детской чистотой и простотой веря в Иисуса Христа, в спасение души и обретение Царствия Небесного, старались жить *по-русски* – суть по-божески, но, яко чада малые, склонные к таинственной игре, любили природные обрядовые игры. Но в сих играх не грешили обоготворением природы, о чём ранее переживал святой Григорий Богослов: «...ов реку богыню нарицает и зверь, живущий в ней, яко бога, нарицая требу творит».

Даже сами недавние священные языческие понятия после Святого Крещения стали обретать в языке грубую окраску: *идол* – незаслуженно почитаемый; *болван* – туповатый, бесчувственный; *истукан* – стоит, словно каменный, когда надо действовать; *жрать* – есть грубо, по-свински. Хотя *идол*, *болван*, *истукан* – деревянные, каменные изваяния древнеславянских богов, а *жрать* – в языческом понимании, под водительством *жреца* (*жрать* – *жрец*, *жертвовать*, *жертва*) священнодействовать, на требище посреди языческого святилища (капища) потреблять жертвенную пищу или жертвовать её *богам*.

Говоря о мягкости русского язычества, историки ведают, что летописи не запечатлели случаев, когда бы русичи казнили христиан по религиозным причинам, язычники же Древней Греции, античного Рима, Ближнего Востока и малоазиатских стран, как и нередко впадавшие в язычество иудеи, умучили сотни тысяч христиан, что и записано в «Житиях святых, на русском языке изложенных по руководству Четьих миней свт. Димитрия Ростовского».

Русские, будучи православными христианами, должны ли понимать как бесовскую всю двухтысячелетнюю устную народную поэзию и прозу, по глубинной мудрости и природной красе далеко превосходящую письменную, если корни её в арийском, скифском, славянском язычестве?.. Должны ли русские отречься от своей народно-обрядовой этики, имеющей языческие истоки, но лишенной уже языческой (суть демонической) мистики?.. Если русские отвергнутся древнеславянского языкового, художественно-прикладного искусства, значит, отвергнут старинные сказки, старинные песни и былины, удалят с избяных наличников деревянную резьбу, спалят вышивки, ибо в произведениях древнего и вечного художественно-прикладного искусства таится древнерусская, языческая символика. Нет, православное христианство не проповедует отречение от народного искусства, хотя и оговариваясь: *сказка – ложь, но в ней намёк, добрым молодцам урок*.

Христиане, забывшие о былом противостоянии христианства и язычества, высоко чтут искусство Древней Греции и античного Рима, воплощённое в зодчестве, поэзии, живописи и скульптуре, хотя произведения сего искусства – культ телесной гармонии, а не красоты души, где поселилась божественная любовь ко Вышнему и ближнему. И, как уже поминалось, греческие, римские язычники в отличие от восточнославянских яро ненавидели христиан и по велению жрецов и правителей зверски умучили тысячи первохристиан, что отказывались приносить богомерзкие жертвы античным бесам: римским болванам – Юпитеру, Нептуну, Марсу, Аполлону, Венере, Вахху...; греческим истуканам – Зевсу, Посейдону, Афине, Артемиде, Афродите... и прочим бесам, скульптуры коих, грешным делом, и по сей день восхищают обывателей, вдохновляют искусников на сочинение стихов и картин.

Глядя на скульптуры античных идолов, что в похабной наготе красуются в Санкт-Петербурге, особо в Летнем саду, духовно трезвенный христианин невольно вспоминает, что по вине сих идолов обрели мученические венцы тысячи его братьев и сестёр во Христе. *Варвары* русы и вообразить не могли пытки, коим идолопоклонники Древней Греции и античного Рима предавали первохристиан, что не поклонились бесам, вырубленным из дерева и камня. Читая жития святых мучеников, ужасаешься, с какой дьявольской изобретательностью, дьявольской жестокостью пытали римляне христиан. Терзаемые львами и тиграми под ликующие вопли *классически образованных* римлян, великие страстотерпцы не отрекались от Христа Бога. Возможно, истребляя православных славян, черная палаческий опыт античного мира, германские фашисты любовались языческими идолами Древней Греции и Древнего Рима, кои с дья-

вольской гениальностью воплотились в европейском изобразительном искусстве эпохи Возрождения (Ренессанс). Не миновала сия напасть и Россию... Возможно, языческие культы вдохновляли и обезбоженных мыслителей ещё в эпоху Просвещения, залитого кровью богоборческих революций...

* * *

Сказочный Иванушка-дурачок – предтеча святых юродивых... Бытует мнение, выраженное в христианской литературе, что язычников, кои по неким причинам не просветились Светом Христова Слова о спасении души, Господь судит по совести. Богу ведомо, верно ли удумано и молвлено, но хочется верить, благочестивые русичи Древней Руси прощены и спасены, ибо отличались совестью, милосердием, что запечатлелось в народных сказках, где верховодит Иван-дурак из крестьян, предтеча христианских юродивых. Но здесь оговоримся: дурак дураку рознь, сказочный Иванушка-дурачок склонен ко святой юродивости, но водились дураки и от дьявола, гораздые на дурацкие выходы, водились и глупцы, коих Иванушка наставлял на ум. Про болтливых глупцов крестьяне лишь вздыхали сочувственно: «*Думка чадна, недоумка бедна, а всех тошней пустослов*». «*И красно, и цветно баит, да пустоцветом*».

О глупцах потешно поведано забайкальскими сказителями в сказке «Как Ванюшка глупых искал»...

«*Жили-были старик со старухой. Был у них сын Ванюшка. Жили они бедненько, и пришлось Ванюшке уйти в работники. Работал он хорошо, и хозяин дал ему лошадей, чтобы родителям дров навозить. Вот приехал Ваня домой, ночевал и отправился в лес дрова готовить. А старики рады, что вырастили кормильца. Растворила старуха блины да поставила тесто на краешек печки, сверху закрыла посуду крышкой, накинула куфайкой, чтобы теплее было, и придавила поленом. А старик захотел отдохнуть и лёг на печь. Потянулся и столкнул горшок. Горшок улетел на пол и весь сломался.*

Старуха увидела и давай причитать:

– *Ой-ёй-ёй! А был бы Ванюшка женатый, да был бы у нас ребёночек – полено б с печки упало да придавило бы ребёночка-то!*

Вот рыдат, качается!

И старик припарился, вместе с ней заплакал:

– *Ой-ёшеньки, да горе-то како-о!*

Тут народ собрался около их избы, утешают стариков. А те никак не утешаются, плачут. Едет Ванюшка из лесу, дрова везёт. Видит: около их дому народу много собралось, плачут, причитают на разные голоса. Он спрашивает:

– *Чё случилось?*

– *Ой-ё-ёй! Мамка твоя блины растворила да горшок на печь поставила, чтобы тесто растрону-*

лось. А горшок-то и упал! И коли был бы ты женатый, да был бы у тебя ребёночек, да этот горшок упал бы на него – придавил бы ведь ребёночка-то!

Узнал Ванюшка, в чём дело, и говорит:

– *Поеду-ка я по белу свету, на людей погляжу.*

Если найду глупее вас, вернусь домой, а не найду, не вернусь!

Сгрузил дрова, коней покормил и поехал по белу свету.

Вот едет день, едет другой. Заехал в деревню. Видит – народ вокруг бани столпился. Кричат, спорят. Ванюшка подъехал, смотрит – мужики корову на баню тащут.

– *Вы пошто, мужики, корову-то на баню тащите?*

– *А ево на бане скоко травыросло. Пусть корова всё съест, – ему отвечают.*

Ваня рассердился – но это же каку дурну голову надо иметь, чтобы корову на бане пасти. Вот он рассердился, заскочил на крышу, всю траву навыврывал и сбросил вниз корове. Сам думат: «Но эти подурней наших будут...» <...>

А Ваня приехал домой, говорит родителям:

– *Здравствуйте! Вот и вернулся я к вам, потому что белый свет велик, и много на нём и глупых, и умных!..»*

Воистину древние русы были уготовлены ко Святому Крещению во Христа Спасителя, ибо Христос испокон века жил в русских душах, пусть и бесознательно, пусть и не облачено в словесный наряд, ибо в каком ином народе любимым сказочным персонажем, и даже национальным героем мог стать Иван-дурак. Не упомяну, кто в европейских, африканских, индийских и прочих сказках верховный герой, а вот, скажем, в цыганских сказках – Данко-вор, в бурятских – Хитрый Будамшу, в среднеазиатских – столь же хитрый Ходжа Насреддин, а у русских – Иван-дурак...

«*Когда солнце орла пожрёт, камень на воду всплывёт, свинья на белку залает, тогда дурак помнеет*» – говорится в крестьянской поговорке, ибо сказочного Иванушку-дурачка азы, буки, веди страшили, яко медведи, и не читал дуралей Святого Писания, но... жил до Крещения и живёт после Крещения по Христовым заповедям.

Иванушка, чудной и чюдный, – русский национальный идеал, образ русского народа, являющего собой мировую совесть и бескорыстную, безмерную любовь ко Вышнему и ближнему; и все его деяния созвучны евангельским заповедям. Вот сему подтверждения.

Сказочный Иванушка равнодушен к богатству, словно с небес вдохнулись в душу Христовы заповеди о сокровищах небесных и земных: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребают и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни

178

ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф. 6:19–20). «...Удобнее верблуду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19:24).

Равнодушие к богатству, присущее сказочному Иванушке-дураку, – некогда было привычным свойством русского характера, что выразилась в уйме пословиц и поговорок. Вот лишь избранные:

Клён да берёза – чем не дрова, хлеб да вода – чем не еда.

Мужик богатый, что бык рогатый, – забодает.

В могилу глядит, а над копейкой дрожит.

Хоть мошна пуста, да душа чиста.

Голый разбоя не боится.

Наш двор крыт небом, а обнесён ветром.

Богачи едят калачи, да не спят ни в день, ни в ночи; бедняк чего ни хлебнёт, да заснёт.

Разум Иванушки не исчеркан демонскими письменами мира сего; разум его – чистый лист, куда Царь Небесный впишет глаголы вечной жизни, а посему о Иванушке начальная заповедь блаженства: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное».

И другая заповедь блаженства – «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут» (Мф. 5:3, 5, 7) – опять же про сказочного Ивана. Возлюбив ближних больше себя самого, напрочь забывая о своих нуждах, крестьянский сын Иванушка готов всякого встречного-поперечного, даже обманщика и обидчика, напоить, накормить, обути, одеть, охотно и радостно скидывая с ног последнюю обувь, с плеч последнюю лапотину. И се рече Господь и про Ивана русского: «...тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! Когда мы видели Тебя алчущим и накормили? Или жаждущим и напоили? Когда мы видели Тебя странником и приняли? Или нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным или в темнице и пришли к Тебе?» И Царь скажет им в ответ: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:34–40).

Иванушка-дурачок живёт с горячим желанием всем помочь, всем услужить, словно втемяшилось в память свыше: «Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою...» (Мк. 9:35).

В русских сказках, где чудеса в изобилии, редко встретишь христианскую мистику, в сказках живёт

некая *волшебная* мистика, напоминающая сновидения, ибо русские сказки народились в языческой древности, передавались из уст в уста, и, очевидно, лишь после Святого Крещения Руси сказочный герой *дурак* обрёл имя *Иван*, – очевидно, от Иоанна Крестителя либо от Иоанна Богослова.

Обретённое в Благой Вести имя *Иван* столь широко разошлось и укоренилось в русском народе, что стало *именем народа*; не случайно же иноземцы-иноверцы величали русским *иванами*, как и русские германцев – *фрицами*.

Сказочного Ивана, коих и в реальной жизни изрядно водилось, лишь потому прозвали дураком, что Господь одарил его мудростью горней (*божественной*), что безумие для мудрости дольней (*земной*). Святой апостол Павел, словно провидческим оком узрев блаженного Ивана, поучал в Первом послании к коринфянам: «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3:18–19).

Иванушка по нищете духа, по отсутствию земной мудрости не похваляется об остатней рубахе, что отдал нагому, не трубит о сем в храмах и на вечевых площадях, что любили творить иудейские фариисеи и книжники.

Верно гласит крестьянская пословица: «*Умный сам по себе, а дураку Бог в помощь*»... Иванушка-дурачок в отличие от сказочных персонажей иных народов убогий (*у Бога*), предтеча блаженных, предтеча юродов во Христе, причисленных к лику святых, коим на Руси возводили храмы. Но лишь предтеча, ибо блаженные (*юродивые Христа ради*)¹⁷⁹ в любовном служении Богу напрочь отрекались от страстного и суетного мира.

РАСПЯВШИЕ ХРИСТА

Христос, иудеи и христиане первых веков...

Видимо, от любви к своему народу, любви, слепящей глаза, как слепит яркое солнце, но думаю, что Древняя Русь всё же была душевно приурочена к принятию христианства. Российские народоведы-атеисты, благотворящие язычеству, нежели христианству, похоже, грешили перед правдой, когда толковали о том, что Русь крестилась копьём и мечом, что русский народ противился Святому Крещению и *яро отстаивал* болванов, деревянных и каменных. Какая уж ярость, коль так быстро улетучились из памяти былые идолы?!

Доказательством того, что ветхий рус был предрасположен к принятию христианства, может

¹⁷⁹ * Блаженные (юродивые) (блж., блаж.) (гр. *σαλός* слав.: глупый, безумный) – представители сонма святых подвижников, избравших особый подвиг – юродство, подвиг изображения внешнего, т. е. видимого безумия, с целью достижения внутреннего смирения.

служить и само избрание веры равноапостольным князем Владимиром, который до крещения жил закоренелым язычником, плотски ублажая пять жён и тьму наложниц. А ведь Древняя Русь могла духовно облачиться и в мусульманство, а скорее всего, в иудаизм, по примеру несчастной Хазарии, но само Божие Провидение, кое душа русская чудом сумела услышать, даровало Руси Православие. В «Истории Государства Российского» Николая Карамзина по сему поводу записано: «Князь Владимир, выслушав Иудеев, <...> спросил, где их отечество. «В Иерусалиме, – ответствовали проповедники, – но Бог во гневе Своём расточил нас по землям чуждым». «И вы, наказываемые Богом, дерзаете учить других? – сказал Владимир. – Мы не хотим, подобно вам, лишиться своего отечества». <...> Нетрудно было уверить язычника разумного в великом превосходстве Закона Христианского. <...> Христианство, представляя в едином, невидимом Боге Создателя и Правителя Вселенной, нежного Отца людей, снисходительного к их слабостям и награждающего добрых (здесь миром и покоем совести, а там, за тьмою временной смерти, блаженством вечной жизни), удовлетворяет всем главным потребностям души человеческой».

Избрав спасительное цареградское Православие, русские, будучи титульной нацией в многонациональной Российской империи, терпимо относились к исламу, буддизму и даже шаманизму (блуждают во тьме) и настороженно, а порой и воинственно – к иудаизму, ибо, согласно Евангелию, кровь Спасителя мира и на потомках распявших Христа: «Кровь Его на нас и на детях наших» (Мф. 27:23, 25). Неприятие иудеями Христа Спасителя породило не токмо церковное, а и мирское, политическо-идеологическое противостояние двух народов, еврейского и русского; вот почему в очерке о русской этике изрядно страниц посвящено иудаизму.

Еврейский народ по сладострастию и впадал в языческое идолопоклонство, падал ниц перед золотым тельцом, похотливым Баалом и блудной Астартой, тем не менее среди землян лишь евреи за шестнадцать веков до Рождества Христова верили во единого Бога Иегову, и пророки еврейские проповедовали грядущего Мессию Иисуса Христа, провидя и подробно описывая путь Спасителя от Рождества до распятия на голгофском кресте. И хотя иудеи, случалось, побивали пророков камнем, убивали между храмом и жертвенником (Мф. 23:35), но и водилось средь евреев изрядно единобожных праведников, отчего и народ сей стал богоизбранным, и Господь именно евреев избрал для Своего вочеловечения. Не случайно же Иисус Христос назидает самарянке у колодезя: «Вы (язычники) не знаете, чему кланяетесь, а мы знаем, чему кланяемся, ибо спасение от иудеев» (Ин. 4:22). А на

воплъ хананянки о помощи Господь отвечал: «...я послан только к погибшим овцам дома Израилева... (Мф. 15:24). <...> Нехорошо взять хлеб у детей (у богоизбранных евреев. – Прим. А. Б.) и бросить псам (язычникам-бесопоклонникам. – Прим. А. Б.)». (Мк. 7:27).

Иисус Христос сердечно любил Моисеево племя, избрав сей народ для Своего земного воплощения – «...пришёл к своим, и свои Его не приняли» (Ин. 1:11), а посему горькие слёзы туманили взор Спасителя, провидящего, что сей народ и предаст Его на крестные муки, и кара Господня падёт на иудеев, полустреблённых язычниками, забитых в рабские колоды, рассеянных по миру; а от величайшего града Иерусалима не останется камня на камне. «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели!» (Мф. 23:37). «И когда приблизился к городу (Иерусалиму), то, смотря на него (Иисус Христос), заплакал о нём и сказал: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих, ибо придут на тебя дни, когда враги твои обложат тебя окопами и окружат тебя, и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19:41–42). В столице мира, позднем языческом Риме, что дом, то содом, что двор, то гомор, что улица, то блудница, но и величайший город Иерусалим, о коем плакал Господь, одолевали языческие страсти, отчего попушением Божиим город обратился в руины.

Когда Иисус Христос, согласно провидению ветхозаветных пророков, на ослытия въезжал в Иерусалим, чтобы праздновать Пасху, иудеи восторженно вопили: «...Осанна Сыну Давидову! Благословен Грядущий во имя Господне! Осанна в Вышних!» (Мф. 21:9). Вопящие опрометчиво узрели в Царе Небесном царя Иудейского, что освободит евреев от римского владычества и великие богатства мира низложит к их ногам. Моисеевы потомки вообразили, что, видимо, сбывается древнее пророчество об иудеях и о столице иудейской: «И придут народы к свету твоему, и цари – к восходящему над тобою сиянию. Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их служить тебе. И придут к тебе с покорностью сыновья угнетавших тебя, и падут к стопам ног твоих все презиравшие тебя, и назовут тебя городом Господа, Сионом Святого Израилева» (Библия, Исход. 60, 3–14, 21).

Но, похоже, вопящие Иисусу Христу «осанна» забывали, что речь в пророчестве шла лишь о духовном господстве иудеев над миром, и лишь при случае, если «...народ твой весь будет праведный».

150

Малое время истекло и вопиющие «асанна» разочаровались во Иисусе из Назарета Галилейского, ибо, впадающие в языческие похоти, ждали царя земного, а дождался Царя Небесного, ибо ждали шалом – роскошное житьё на земле, а Иисус Христос сулил им лишь Царствие Небесное, да и то, коли покаются во грехах. И посему отныне и довеку Мессия, Спаситель мира стал для иудейского простолюдья *обманщиком*, а для фарисеев и книжников – *бунтовщиком и еретиком, основателем Назарейской ереси*. Чернь уподобилась Иуде из города Кариота, который «мечтал о власти, богатстве и наслаждении, а Божественный Учитель проповедовал о смирении, бедности и страданиях...» (*Александр Лопухин*). Иуда же, даже будучи Христовым апостолом, воровал деньги из скудной апостольской казны, кою ему доверили, а затем предал Христа в руки убийц, за что Господь покарал Иуду, подобно его соплеменникам, рассеянным по миру.

Протоиерей Александр Мень, будучи из евреев-выкрестов, в проповеднических сочинениях обличительно отзывался о религиозных воззрениях своих единокровцев: «В иудаизме нередко понятие Царствия Божиего связывали с внешним торжеством Израиля и фантастическим благоденствием на земле». Обогащение любым способом (деньги не пахнут), и посему их молитвы стали напоминать воровские заклинания: «*Господи, прости, в чужую келью пусти; подсоби нагрести да и вынести*».

Мысль выходца из иудеев протоиерея Александра Меня подтвердил и русский идеолог митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн: «Иудаизм есть утверждение исключительного права иудеев, гарантированного им самим фактом рождения, на господствующее положение не только в человеческом мире, но и во всей Вселенной» (*Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. СПб., 1995*).

Иисус Христос поведал апостолам притчу о еврейском народе: «Был некоторый хозяин дома, который насадил виноградник, обнёс его оградой, выкопал в нём точило, построил башню и, отдав его виноградарям, отлучился. Когда же приблизилось время плодов, он послал своих слуг к виноградарям взять свои плоды. Виноградари, схватив слуг его, иного прибили, иного убили, а иного побили камнями. Опять послал он других слуг, больше прежнего. И с ними поступили так же. Наконец, послал он к ним своего сына, говоря: «Постыдятся сына моего». Но виноградари, увидев сына, сказали друг другу: «Этот наследник. Пойдем убьём его и завладеем наследством его». И, схватив его, вывели вон из виноградника и убили. Итак, когда придёт хозяин виноградника, что сделает он с этими виноградарями? Говорят Ему: «Злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои» (*Мф. 21:33–41*).

В «Законе Божием» протоиерея Серафима Слободского притча сия толкуется так: «**Хозяин дома** – это Бог. **Виноградник** – это народ еврейский, избранный Богом для сохранения истинной веры. **Ограда виноградника** – Закон Божий, данный через Моисея. **Точило**, куда стекал сок винограда, – жертвы (в Ветхом Завете, прообразовавшие крестную жертву Иисуса Христа); **башня** – храм иерусалимский. **Виноградари** – первосвященники, книжники, начальники еврейского народа. **Слуги Хозяина** – св. пророки. **Сын Хозяина** – Сын Божий Господь наш Иисус Христос. Стоявшие во главе еврейского народа первосвященники, книжники и начальники получили власть для того, чтобы приготовить народ к принятию Спасителя, а они употребляли эту власть только для своей выгоды. Бог посылал к ним пророков, но они гнали и убивали их. Так они оказались пророкоубийцами, а потом и убийцами апостолов. Спасителя же своего они отвергли и, выведя из своего города, распяли. И потому отнято было от них Царство Божие и отдано народу иному, Церкви Христовой, составившейся из язычников».

К слову помянуть речённое ранее, что в язычниках Христос узрел большую веру, нежели в сынах Давидовых, что выразилось в притче о милосердном самарянине, в беседе с самарянкой, в случае исцеления десяти прокажённых.

На распяты Спасителя мира завершилась иудейская богоизбранность, а возродится ли в грядущих веках, о том лишь Бог ведаёт... О какой богоизбранности можно было говорить, ежели в эпоху земного жития Христа иудеи избрали шалом и даже храмы Божии обратили в базары: «...и вошёл Иисус в храм Божий, и выгнал всех продающих и покупающих в храме, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: «Написано, дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников» (*Мф. 21:12–13*).

Разочарование в Иисусе из Назарета Галилейского породило в тогдашних иудеях ненависть к Сыну Божию, и чернь, вдохновлённая первосвященниками, книжниками и фарисеями, безумно вопила римскому прокуратору Понтию Пилату: «Да будет распят!.. Кровь Его на нас и на детях наших!..» (*Мф. 27:23, 25*). Иудеи, пославшие Христа на распятие, не пожалели и грядущих потомков, обогрив их кровью Царя Небесного...

Увы, пронёсшие Иегову сквозь долгие и тяжкие века, но распявшие Христа и поныне не сотворившие плод покаяния потомки величайших святых пророков Моисея и Давида уподобились засохшей бесплодной смоковнице, запечатлённой в Благой Вести. Увы, некогда богоизбранные, алча земных благ, пренебрегли Царствием Небесным, а посему святые апостолы, будучи из евреев, обратились к язычникам, ибо в христианстве нет различия меж

157

иудеем и эллином, а утверждает любовь и равенство всех перед Законом Божиим. Иудей Павел и Варнава иудеям же «с дерзновением сказали: «Вам первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам» (Деян. 13:46).

Вскоре пути иудаизма и христианства враждебно разошлись, хотя, повторяюсь, и первохристиане были из иудеев... Святой Лука, апостол от 70, по преданию, написавший иконы Царицы Небесной и первоверховных апостолов Петра и Павла, «...написал также книгу «Деяния святых апостолов» в 62–63 годах в Риме. <...> В центре повествования – Апостольский собор (51 год по Рождестве Христовом) как основополагающее церковное событие, послужившее догматическим основанием для отмежевания христианства от иудейства и самостоятельного распространения его в мире (Деян. 15, 6–29)» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Священномученик Игнатий Богоносец, епископ Антиохийский, в «Послании к филиладельфийцам» наставлял исповедников Христа: «...не допускайте иудейства. Но если кто будет проповедовать вам иудейство, не слушайте его. Ибо лучше от человека, имеющего обрезание, слышать христианство, нежели от необрезанного иудейство. Если же ни тот, ни другой не говорит об Иисусе Христе, то они, по мне, столпы и гробы мёртвых, на которых написаны только имена человеческие».

Не узрев Мессию во Христе, распяв Спасителя мира, иудеи ополчились и на учеников Христа, святых первоапостолов, выходцев из еврейского простолудья; и первым священномучеником стал архидиакон Стефан, коего иудеи побили камнями и святое тело его бросили без погребения на съедение зверям и птицам. А следом Моисеевы потомки одарили мученическим венцом и апостола Иакова Заведеева, старшего брата апостола Иоанна. В гонениях, избиениях христиан иудеи невольно побратались с нечестивыми язычниками, с которыми в добрые ветхозаветные времена брезговали даже молвить слово, дабы не оскверниться. И побивали иудеи, напомяну, своих единокровцев евреев, что, уверовав, окрестившись, проповедывали и Закон ветхозаветный, и Благодать Христову.

В «Русском месяцеслове», что составил автор сего очерка, на день памяти святого Кирилла Александрийского (22 / 9 июня по ст. ст.) записано: «Святитель Кирилл, архиепископ Александрийский

(444), выдающийся борец за Православие и великий учитель Церкви <...> Опасными для Церкви являлись иудеи, неоднократно производившие возмущения, сопровождавшиеся зверскими убийствами христиан. Святителю пришлось долго бороться с этим. <...> Скончался святитель Кирилл в 444 году, оставив много творений».

А святитель Модест, архиепископ Иерусалимский (память 31/18 декабря), был очевидцем того, как в 614 году от Рождества Христова иудеи вместе с войсками персидского царя Хозроя перебили 90 тысяч христиан и разрушили христианские храмы. Иерусалимский патриарх Захария и множество христиан вместе с Крестом Господним были взяты в плен. Святой Модест, будучи временно управляющим Иерусалимской церковью, с помощью Александрийского Патриарха Иоанна Милостивого восстановил разрушенные иудеями и персами христианские святыни, в том числе и храм Гроба Господня.

В помянутом «Русском месяцеслове» повествуется о святой мученице Матроне Солунской (память 9 апреля / 27 марта), которая «была рабыней иудейки Павтилы, жены солунского военачальника. Павтила принуждала свою рабыню Матрону, неколебимо верующую в Христа, к отступничеству и обращению в иудейство. И поскольку святая Матрона не ступалась от Христа, то Павтила жестоко её избивала. Однажды Павтила, узнав, что блаженная Матрона была в церкви, с гневом спросила: «Почему ты не пошла в нашу синагогу, а ходила в церковь христианскую?» Святая Матрона смело ответила: «Потому что в христианской церкви присутствует Бог, а от синагоги иудейской Он отступил». <...> После этого иудейка постоянно и жестоко избивала христианку, оставляла связанной в каморке без еды и питья по нескольку дней, и наконец, так избивала святую толстыми палками, что мученица Матрона предала дух свой Богу. Впоследствии святые мощи мученицы Матроны, помещённые в церковь её имени, прославились чудотворением» (Месяцеслов. Настольная книга священнослужителя).

Ветхозаветные евреи, истязая, истребляя новозаветных евреев-христиан, случалось, гибли скопом, плечом к плечу, когда в некоем царстве-государстве вспыхивали гонения на Моисеево племя; чаще по причине еврейского ростовщичества, повергающее коренное население в нищету и отчаяние. Разумеется, обогащались сим промыслом ветхозаветные евреи, ибо евреи-христиане свято чтит заповедь Иисуса Христа: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут» (Мф. 6:19). Но властные гонители не утруждались межеванием евреев на иудеев и христиан, и в лад иронического присловья: били не по вероисповеданию, а по лицу. Словом, евреи-христиане страдали и за тяжкие

* Святой Игнатий родился в Сирии в последние годы жизни Спасителя. Его жизнеописание повествует, что он был тем отроком, которого Господь взял на руки и сказал: «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

грехи своих лукавых и алчных соплеменников, но если иудеи проклинали своих гонителей, то евреи-христиане в лад первомученику Стефану, коего единокровцы забили камнями, молились за гонителя: «Господи! Не вмени им греха сего» (Деян. 7:60), ибо не ведают, что творят».

В семидесятые годы от Рождества Христова, истомлённые столетним рабством, евреи взбунтовались против римского ига; и при императоре Нероне, при императоре Веспасиане римские legionеры утопили Иудею в крови: вырезали полтора миллиона евреев, не деля на иудеев и христиан, а прочих угнали в рабство. Веками ожидавшие Христа, предречённого великими пророками, потомки Моисея и Давида, одурманенные плотскими страстями, не разглядели Христа в Иисусе Назарее (пророке Иешуа), распяли Спасителя мира, за что Промыслом Божиим и были наполовину истреблены, наполовину порабощены, а величайший град Иерусалим, о коем со слезами сокрушался Христос, был разрушен дотла вместе с огромным храмом; и в святая святых, куда редко заходили и священники, не говоря уж о поганных язычниках, красовались языческие знамена римских legionеров, что для благочестивых иудеев было страшнее смерти.

Такой языческий всплеск (словно вновь распяли Христа) случился и на Руси, когда русские, подобно ветхозаветным иудеям, подняли пята на Бога, за что русские так же Божиим попусшением вскоре за-
153
хлебнулись в крови братоубийственной гражданской войны, потом Отечественной...

После осады и, по пророчествам Иисуса Христа, полного разрушения величавого Иерусалима, после второй иудейской войны, звезда древней Иудеи погасла. И вспыхнет, если потомки тех, что распяли Христа, принесут достойный плод покаяния.

* * *

Христианство против иудаизма... Иудеи не выросли духом от Ветхозаветного Закона к Новозаветной Благодати, что боговдохновенно запечатлел митрополит Иларион в бессмертном и великом сочинении «Слово о Законе и Благодати», созданном вскоре после Крещения Руси:

Вынес и Моисей с Синайской горы

Закон, а не Благодать, тень, а не истину.

<...> Видев свободная Благодать, чада свои христианские,

обижаемые иудеями, сынами рабского Закона, возопила к Богу: «Отринь иудеев с Законом их, рассей их по странам.

Что общего между тенью и истиной, иудейством и христианством!»

<...> И изгнаны были иудеи, и рассеяны по странам,

а чада благодетельные христиане наследниками стали Богу и Отцу.

<...> Ибо среди иудеев – самоутверждение, а у христиан – спасение.

<...> Ибо иудеи – о земном радели, христиане же – о небесном.

<...> Христа славят, а иудеев клянут.

Народы приведены, а иудеи отринуты.

Православные христиане празднуют Пасху Христову в первое воскресенье после первого весеннего полнолуния. Правила Александрийской пасхалии более полно изложил канонист XIV века Солунский иеромонах Властарь: «Четыре ограничения положены для нашей Пасхи, которые необходимо соблюдать: два из них узаконяют апостольское Предание, а два получили из неписаного предания. Первое – мы должны праздновать Пасху после весеннего равноденствия. Второе – не праздновать с иудеями в один день. Третье – праздновать не просто после равноденствия, но после первого полнолуния, имеющего быть после равноденствия. И четвёртое – после полнолуния не иначе, как в первый день седмицы».

Правило семи святых апостолов сурово и откровенно упреждает духовенство: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, святой день Пасхи прежде весеннего равноденствия с иудеями праздновати будет: да будет извержен от священнаго чина».

Христианам не праздновать с иудеями Пасху – не значит лишь избегать совпадение дня, но прежде означает – *не праздновать по обычаю иудеев*, ибо те, вдохновлённые первосвященниками, книжниками и фарисеями, на ветхозаветную Пасху привели Спасителя к Пилату на судилище и оглашали Иерусалим свирепыми, кровожадными криками: «Да будет распят!... Кровь Его на нас и на детях наших!» (Мф. 27:23, 25).

Шестьдесят второе, шестьдесят пятое, семидесятое правила святых апостолов гласят: «Аще кто из клира, устращась человека иудея, <...> отречётся от имени Христова, да будет отвержен от Церкви <...> Аще кто из клира или мирянин в синагогу иудейскую или еретическую войдёт помолиться, да будет и от чина священнаго извержен и отлучён от общения церковнаго. Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или вообще из списка клира, постытся с иудеями, или празднует с ними, или примет от них дары праздников их, как-то: опресноки или нечто подобное, да будет извержен. Аще же мирянин, да будет отлучён».

Противостояние иудаизма и русского православия выражалось и в православном богослужении, когда речь заходила об Антихристе. Есть церковное описание признаков Антихриста в Синаксарии недели Мясопустной, что читалась по уставу во всех

православных церквей в воскресенье перед Масленицей: «Придёт Антихрист и родится, яко глаголет святыи Ипполит Римский, от жены скверныи и девицы мнимыи от еврей же сущи от племени Данова, и ходит убо имать, по Христу проходя жительства (во всём внешнем подражая Христу. – Прим. А. Б.), и чудеса совершит, елико убо и Христос действова, и мертвыи воскресит. Обаче по мечтанию всё содеет (то есть нереально. – Прим. А. Б.). Обаче не сам дьявол во плоти претворится, но человек, от блуда родився, всё сатанино действо примет и внезапно восстанет. Таже благ и кроток всем явится. И угодит людем. И писание проёдет. И понудится от человек и царь проповестся. И возлюбит множае еврейский род, и в Иерусалим достигнет, и храм их воздвигнет... По сих же внезапно, яко молния с небесе, Господне присшедствие будет...»

Иудаизм в грядущих столетиях, уже не истязая, не истребляя проповедников Христа Спасителя, как было в эпоху первохристиан, потаённо, исподвольно всё же боролся с христианством, в борьбе сей обратив католицизм, по словам святого Иоанна Златоуста, в «иудействующее христианство». На знамени иудеохристианства было начертано искуссительное речение: «Ищите прежде всего что есть, пить, а Царствие Небесное приложится», и в сих словесах – суть антихристовы учения о рае на земле.

Проникновение иудаизма в русское Православие выразилось в «ереси жидовствующих», что через полвека после Крещения Руси заразила духовной проказой художников Новгород, а потом и обезбоженных околокняжеских людей и смутное духовенство.

Русская летопись за 1471 год тревожно оповещает: «Отселе почала быти в Новгороде от жидовина Схария ересь...». А историк Николай Михайлович Карамзин поясняет: «(Приехавший в 1470 году в Новгород из Киева еврей Схария) сумел обольстить там двух священников, Дионисия и Алексия; уверил их, что закон Моисеев есть единственный Божественный; что история Спасителя выдумана; что Христос ещё не родился; что не должно поклоняться иконам и прочее. Завелась жидовская ересь. <...> Поп Алексий назвал себя Авраамом, жену свою Саррой и развратил вместе с Дионисием многих духовных и мирян <...> Но трудно понять, чтобы Схария мог столь легко размножить число своих учеников новгородских, если бы мудрость его состояла единственно в отвержении христианства и в прославлении жидовства <...> вероятно, что Схария обольщал Россиян иудейскою Каббалою, наукой пленительною для невежд любопытных и славною в XV веке, когда многие из самых учёных людей <...> искали в ней разрешения всех важнейших загадок для ума человеческого. Каббалисты хвалились <...> что они знают все тайны природы, могут

изъяснять сновидения, угадывать будущее, повелевать Духами...»

В нынешнем веке Татьяна Грачёва, автор знаменитых и мужественных книг «Невидимая Хазария», «Святая Русь против Хазарии», писала: «Ересь жидовствующих появилась на Руси ещё до царствования Ивана IV, в 1471 году, в Новгороде, куда прибыл на княжение киевско-литовский князь Михаил Олелькович. В его свите находился имевший хазарские корни Схария, который, по словам преподобного Иосифа Волоцкого, «был орудием дьявола», «был он обучен всякому злодейскому изобретению: чародейству и чернокнижию, звездочетству и астрологии». Вслед за Схарией приехали в Новгород и его единомышленники (Моисей Хануш, Иосиф Шмойло и пр.). Вот эти люди и посеяли в Новгороде еретическое учение, которое и в летописях, и в исторической литературе получило название «ереси жидовствующих».

Новгород был выбран ими неслучайно. Этот город имел тесные торговые и политические связи с Западом, здесь процветал культ торговли, а самое главное – Новгород на протяжении веков был антогонистом великокняжеской власти вообще и московского самодержавия в частности. <...> Еретики пытались насадить в Русской церкви иудаизм. <...> Жидовствующие отрицали Святую Троицу, Христа как Сына Божиего, хулили Святого Духа. Они отвергали Божество Спасителя и Его воплощение, отрицали Второе славное Пришествие Христово и Его Страшный суд. Еретики отвергали апостольские и святоотеческие писания и все христианские догматы, отрицали церковные установления: таинства, иерархию, посты, праздники, храмы, иконопочитание. Особенно ненавидели они монашество.

<...> Цель ереси жидовствующих была подмена Закона Божиего на закон человеческий: если человек выше Бога – тварь выше Творца. <...> В то время ересь жидовствующих на Руси была в общем подавлена, но, учитывая её тайный характер, до конца это сделать не удалось. Скрытые приверженцы ереси проникли в высшие эшелоны власти. <...> Разбежавшиеся по России еретики не покались и не исправились, а, проникнув в массы монашества и священства, положили начало новому витку заговора, который как раз и набрал силу во время царствования Иоанна Грозного (царь и нанёс по ереси сокрушительный удар, прибыв в торговый Новгород. – Прим. А. Б.) <...> Как и все тайные общества, ересь жидовствующих оказалась на редкость живуча (и, к слову сказать, дожила до наших дней)...»

В яростной борьбе русского народа с «ересью жидовствующих» прославились царь Иван Грозный и святитель Геннадий, архиепископ Новгородский, что, по словам преподобного Иосифа Волоцкого,

157

другого борца с помянутой ересью: «...быв пущен на злодейственные еретики, устремился на них, как лев, из чащи Божественных Писаний и красных гор пророческих и апостольских учений». *Коль бы на хмель не мороз, он бы и тын перерос* – трудами святых исповедников борьба увенчалась победой Православия над ересью жидовствующих.

ХРИСТИАНСКОЕ В КРЕСТЬЯНСКОМ

Крест Господень и крестьяне... Повторю изначально речённое: для русского народа, до начала минувшего века сплошь земледельческого, национальная история – история крестьянской жизни, история развития народных душ от испуганного и по-детски восторженного одухотворения природы и природных стихий, от языческого идолопоклонничества к душеспасительной вере в Единого Бога, Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего видимого и невидимого, в Единого Бога Иисуса Христа, Сына Божиего, рождённого от Отца прежде всех век.

В Святом Благовествовании речено: «...выходя, они (иудеи и римские воины, что вели Христа на распятие. – *Прим. А. Б.*) встретили одного Кириянина (слышим: крестьянина. – *Прим. А. Б.*), по имени Симона; сего заставили нести Крест Его» (*Мф. 27:32*). Православные сельские жители, возглашая: «**Мы, крестьяне**, слышали, чуяли душой в сем слове **Крест**, ибо русские крестьяне в отличие от иных мирских сословий, художественных и чуждебных, со Святого Крещения и до воцарения богоборцев смиренно несли Крест Господень во Имя Христа Бога».

С крещёными веками христианское в мировоззрении сельских жителей причудливо сплелось с крестьянским: крестьяне не токмо учеников Христа, до апостольского служения рыбаков, пастухов, виноградарей, хлеборобов, но и Сына Божия причислило к своему крестьянскому сословию. Для сего сельские мудрецы изыскали в описаниях земного обетования Иисуса Христа изрядно крестьянского: воплотился в крестьянско-ремесленной среде, до тридцати лет плотничал и, надо думать, попутно занимался земледелием, что было неизбежно в патриархальном царстве-государстве, и даже был по-крестьянски бережлив: «...И когда насытились, то (Христос) сказал ученикам Своим: соберите оставшиеся куски, чтобы ничего не пропало...» (*Ин. 6:12*).

В очерке «Слово о русском слове» я писал о стилевом родстве языка Сына Божия с крестьянской речью и теперь напомним: «Русские крестьяне, мистически исходя «от креста» и «Христа», выражали земные и небесные мысли не мертвецки условным, научным языком, но образным и притчевым, а образы, как Иисус Христос в поучениях и заповедях, брали из крестьянской и природной жизни. <...> Удивительно, что Сын Божий говорит не *научно-*

образно в отличие от книжников и фарисеев, но бедует с народом на языке крестьян и рыбаков, щедро расцветчивая речь пословицами и поговорками: «Уже бо и секира при корени древа лежит: всяко древо, еже не творит плода добра, посекаемо бывает, и в огонь вметаемо» (*Мф. 3:10*); или: «Его же лопата в руке Его, и отеребит гумно своё, и соберёт пшеницу свою в житницу, плевелы же сожжёт огнём неугасающим» (*Мф. 3:12*); или вспомним и притчу о сеятеле зерна – Слова Божия: «Се изыде сеятель да сеет. И сеющу, одна падоша при пути, и приидоша птицы и позоша ея; другая же падоша на каменных, иде же не имаху земли многи, и абие прозябоша, не имаху глубины земли. Солнце же взсиявша, привянувши: и не имаху корения, изсохша. Другая же падоша в тернии, и взыде терние, и подави их. Другая же падоша на земли доброй, и даяху плод...» (*Мф. 2:8*).

По воле Божией сей горний, благолепный речевой лад обрели апостолы, выходцы из крестьян, а потом – святые отцы, келейные старцы, древнерусские летописцы, православные писатели, особо средневековые, изредка мирские, что сподобились дара Божия.

Образный, пословично-поговорочный, прибауточный язык былого русского крестьянства, воплощённый в былинах, песнях, сказках, православно-житийной мифологии и даже в обыденной речи, изговаривал не ради самоценности языка, не ради пустомельного краснобайства, но из русского любознательности да ради зримого выражения народной жизни. Ведь и Сын Божий, и святые отцы поучали притчевым, по-крестьянски пословичным, природно-образным языком лишь ради благолепного и украсного воплощения в речевой стихии Слова Божия».

* * *

О крестьянской набожности... «Кто не понимает Православия, тот никогда не поймёт народа нашего», – утверждал Фёдор Достоевский, гениально отобразивший русскую душу с её горными взлётами и дольными падениями в бездну, когда поводыри – лукавцы либо слепцы. Сии заморские и доморощенные поводыри, лукавые либо слепые, столетиями расшатывали духовные крепости русского народа. И случались лихолетья, когда народный домострой подвергался сокрушительным ударам. Так было в правление чуждебного царя Петра Алексеевича, в коём домостройное простолудье узрело предтечу антихриста, как и в грядущем богоборце Ильиче. И, видимо, неслучайно жрецы богоборческой революции, порушив святые обители, храмы и памятники царям, сберегли петербургский памятник Петру I, словно древнему большевику.

Отечественные и чужеземные, потаённые и откровенные противники русской народности два

века навязывали суждение о безбожности российского простолюдья, а уж тем паче *просвещённого* дворянства и разночинства. Неистовый Виссарион Белинский, гневливо и маетно осиливший книгу Николая Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», в ярости обозвал сочинителя: «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов...». А потом с горечью воскликнул: «По-вашему, русский народ – самый религиозный в мире? Ложь! <...> А русский человек произносит Имя Божие, почёсывая себе задницу. Он говорит об образе: годится – молиться, не годится – горшки покрывать».

В ответ на письмо Белинского, написанное с «гневом, помрачившим ум, дышащим желчью и ненавистью», Николай Гоголь с жалостью писал: «Что мне сказать Вам на резкое замечание, будто русский человек не склонен к религии и что, говоря о Боге, он чешет у себя другой рукой пониже спины, замечание, которое Вы с такой самоуверенностью произносите, как будто век обращались с русским мужиком? Что тут (говорить), когда так красноречиво (говорят) тысячи церквей и монастырей, покрывающих (русскую землю). Они строятся (не дарами) богатых, но бедны(ми) лептами неимущих. <...> Виссарион Григорьевич, нельзя судить о русском народе тому, кто прожил век в Петербурге, в занятиях лёгкими журнальными (статьками и романами) тех французских романистов, которые так пристрастны (что не хотят видеть), как из Евангелия исходит истина...».

Православный философ Иван Ильин, боговдохновенно толкуя о былом христоролюбии русского народа, утверждал, что до революции из российских сословий лишь крестьянство хотя и грешило (един Бог без греха), но сроду не впадало в безбожие, а тем паче в богоборчество. И сему, рассуждал Иван Александрович, пособляло уже и само земледелие, которое было «ненадежно, зависимо от природы, что заставляло крестьян искать опору перво-наперво в Боге». Сему (нет худа без добра) благоприятствовало и отсутствие книжной грамотности, как у моей мамы, кою я помянул в очерке «Счастье»:

«Мама моя, Софья Лазаревна, не ведала грамоты и, послунявив чернильный карандаш, расписывалась кургузым крестиком. Крестьянка-христианка, смиренно несущая крест, посему и оберегла в душе незамутнённую книжной грамотностью сердечную мудрость и жалость к ближнему. Мама исподволь страшилась книжной грамотности, боялась, что книги – кроме божественных и русских сказочных – задурят мою голову, смутят мой дух, ангельски ясный в раннем детстве, исчёркают небесный лист моей души греховными и порочными, демонскими письменами. И словно в воду глядела... Мама верила, что в *досельную пору жили про-*

сто да лет по ста, а ныне – пятьдесят и на собабяю стать. Мама, старорусская крестьянка, обладала вселенским знанием от Бога, природы и народа. И так пословично, поговорочно тысячелетнее знание выражала, что её любомудрию и красноречию позавидовал бы дворянский поэт Александр Пушкин. Подобно маме, страх перед западным книжным просвещением для православного люда чуяли русские святители, святые чудотворцы, святые старцы, насельники скитов и пустыnek, юроды Христа ради и, наконец, славянофилы девятнадцатого века. И подивился я спустя годы: неужели моя мама, крестьянка, подписываясь кургузым крестом, словно Бог одарил её фамилией Крест, оказалась не глупей славянофилов, перелопативших горы книг?!».

Вслед за либеральными сочинителями и безбожные исследователи русского народного быта утверждали, что крестьяне, живущие на окраинах России, особо в Сибири, скудоверны и равнодушны к церковным обрядам. Сей лукавой басне следует ответить пословицей: «Шей, вдова, широки рукава: было б куда класть небылые слова»...

Да, скажем, часть сибирских крестьян жила в деревнях, вдали от сёл, где имелись церкви, и во время сева и уборки хлебom трудилась от зари и до зари, а посеум лишь в середине лета да по зиме и могла добраться до храма, чтобы исповедаться и причаститься. Но всё одно, боголюбивая крестьянская душа денно и ночью жила со Христом; да и мужики, бабы всё же выбирались в сёла на Пасху Господню, на великие праздники, и упаси Бог работать в сии *божественные* дни.

Народные сибирские календари, составленные Алексеем Макаренко и Георгием Виноградовым, свидетельствуют о том, что крестьяне, скажем, Иркутской губернии праздничную, бытовую, хозяйственную жизнь выстраивали по церковному календарю и любое дело начинали с поклонного обращения к Богу: «Благослови, Господи...» А перед пахотой, севом и жатвой сибирские мужики парились, мылись в бане, надевали чистое бельё, с женой не грешили, спали в сеновалах и амбарах; а поздним вечером непременно «творили Иисусову молитву, зажигали Богу воскову свечу» (*Макаренко А. Сибирский народный календарь*).

А уж пахотные крестьяне юго-западной Руси и пуще молились Иисусу Христу, забывая о своей воле, уповая лишь на Бога: «Наши поселяне с первой майской росой выходят на посеум. Тогда они говорят: *подымай сетевом* – лукошко с семенами. В старину они прохаживали в церковь, служили молебны св. пророку Иеремии и потом выходили в посев. Вступая в поле, засевальщики молятся на все четыре стороны, кроме северной, бросают на каждую сторону по горсти жита, с низкими поклонами, и потом уже засеаум» (*Снегирев И. Русские*

156

Простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 1. 1837. 264 с.).

Коль изрядно сибирских крестьян жили вдали от храмов, то священники к божественным дням самолично добирались до глухотных деревень, а на престольные праздники, бывало, и владыки являлись в сибирские села, где их с ликованием и умилением встречали набожные старики и старухи, мужики и бабы, окружённые ребятишками.

Алексей Макаренко так описал подобную встречу: «Село Кежемское. Подъезжаем к пристани, и чудное зрелище, которого нельзя вспомнить без особого умиления. От самого берега до церкви на протяжении пятидесяти или более сажен всё пространство наполнено народом, который, несмотря на полунощное время, бодрственно ожидал владыку; и что особенно умилительно: все, и женщины, и старые, и юные, и матери с грудными на руках младенцами – ожидали владыку с возжёнными свечами. И лишь только владыка вышел на берег, то вся эта масса народа пала на колени, и все спешили принять от него благословение, так как православный народ русский в простоте веры своей смотрит на архипастырей как на истинных на земле наместников Христовых».

* * *

Природа – Творение Божие... «Христианизация древнерусских обрядов и обычаев, связанных с поклонением природе, а прежде матери сырой земле, очевидно, способствовала изначально и сама Благая Весть, где православные крестьяне, кроме Христовых заповедей, познали и то, что *во-человечившийся Сын Божий, любя ближних, любил и окружающую Его природу*, любил и ценил крестьянский труд, о чём свидетельствует даже сам язык Спасителя, – образы в притчах Христа взяты из природы, земледелия и рыболовства, народных погодных примет.

В исконной основе русского месяцеслова – поклонное крестьянское знание мироздания от травинки-былинки, где пасётся божья коровка, до небесных светил и небесных стихий. Без малого двести лет назад знаменитый русский писатель-народовед Иван Снегирёв, составивший один из первых крестьянских календарей в пословицах и поговорках, писал: «Чем ближе живёт человек к природе, тем живее ощущает её отношение к себе и самого себя к ней, тем яснее усматривает и предчувствует явления природы, где всякому роду животных своё назначение, своё место, по пословице: «Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку – отчизна – вселенный круг». Земля для питомца природы – мать и кормилица, небо – его зеркало, в коем усматривает он меру и течение времени – его календарь, компас, циферблат; небесные светила – его путево-

тели на суше и на воде, ибо по звёздам, как гласит русская пословица, «корабли ходят».

В славяно-языческих древнерусских воззрениях природа наделялась самосвятошью, и древние русичи молись и матери сырой земле, и водам, и скалам, и деревьям, с чем боролось православное духовенство. «Религиозное, молитвенное отношение к силам природы зафиксировано многими древнерусскими источниками, – писал академик Борис Рыбаков. – Церковники порицали в своих поучениях обожествление природы, объясняя это или незнанием истинной веры, или же кознями дьявола, который «овы прельстены в тварь веровати, и в солнце же, и огонь, и во источники же, и в древа, и во ины различны вещи...»

Справедливо обличали православные христиане языческих темноверцев, кои, не ведая Святого Писания либо искушаемые князем мира сего, наделяли *самосвятошью* природу – творение Божие. «Не нарекутся богом стихии, ни солнце, ни огонь, ни источники, ни древа...» – поучал русичей в XII веке святитель Кирилл, епископ Туровский. Церковные порицания обрядов, связанных с мистическим поклонением природе воистину праведны, но да простит Господь Бог русского крестьянина, что, будучи православным, живя среди природы и кормясь от природы, издревле обвык одухотворять вселенские стихии и поклоняться житным полям, пастбищам, сенокосным угодьям, студёным ключам, древним деревьям.

Начало крестьянского осознания вселенской природы яко творения Божия и мифологическое выражение сей идеи – «Стих о Голубиной книге», где Вселенная – образ Бога:

*Солнце красное от лица Божнего,
Млад светел месяц от грудей Божиих,
Звёзды частые от риз Божниц,
Зори белые от очей Господних,
Ночи тёмные от опашня Всевышнего,
Громы от Его глаголов,
Ветры буйные от Его дыхания,
Дровен дождик и росы от Его слёз...*

Осознание Вселенной как творения Божиего выразилось и в крестьянском миропонимании через уйму мудрых пословиц и поговорок:

Земля – подножье Божье, а небеса – Его престол.

*Месяц – серебро, а красно солнышко – золото.
Луна – око Божие.*

Пятна на луна кажут, как Каин Авеля убил (как брат брата виллами заколол; как Бог первых людей

* Рыбаков Б. Язычество Древней Руси. М., 1987.

кормил готовым хлебом; как два кузнеца звезды дая неба куют).

Небо – терем Божий; звёзды – окна, из которых смотрят ангелы (из которых ангелы вылетают).

Звёзды – лампы, зажигаемые ночью ангелами пред Престолом Господним.

Звёзды – души: блестящие – праведных, тусклые – грешных.

Ветер – Божье дыхание; Божьих дней больше, чем просяных зёрен в мешке.

И само солнце, когда-то у славян-язычников верховное божество, теперь великое творение Божие, по народным приметам, по-христиански радуется, играет (переливается, меняется) на Святое Христово Воскресение (Пасху), Рождество Христово и Крещение Господне, на Рождество Иоанна Крестителя.

Облачённой в обряд, пословицу и песню, поклонной и покаянной, сыновьей любовью любили крестьяне землю, мать-кормилицу:

Добра мать для своих детей, а земля – для всех людей.

С родной земли – умри не сходи.

Кого мать сыра земля полюбит, тот голоден не будет.

Чёрная земля золотую рожь родит.

Без хозяина земля – круглая сирота.

Глупому в поле не давать воли.

Мужик, умирать собирайся, а земельку паши.

С огнём, с водой, с ветром не дружись, а земли держись.

Не та земля дорога, где медведь живёт, а та, где курица скребёт.

Кто пашенку орёт, тот всегда песенки поёт, а кто торгует, тот всегда горюет.

Обережно утаённая в душе, крестьянская любовь к природе выражалась особо в древних поэтически украсных обрядах поклонения матери сырой земле, рожавшей хлеб насущный, нравственно оздоравливающей крестьянина – ничто так не укрощает плоть, как труд на земле.

И в поклонении том земля древними русичами воспринималась самосвятой, о чём, опять же, отрывок из помянутого очерка «Мать сыра земля»:

«Обожествленной матушке сырой земле посвящены большинство славяно-русских языческих обрядов, если не сказать, что чуть ли не всякий трудовой и праздничный обряд так или иначе, славя солнце и небесные воды, касался и земли, поскольку мать сыра земля, обласканная солнечным теплом, в громовых и молниеносных страстях, покрытая дождями и росами небесного отца, рожала хлебушек, рожала жито – живот, жизнь. Были века в

славяно-русском языке, когда мать сыра земля – Макошь (макушка лета), «покровительница» урожая и судьбы, почиталась как верховное божество, рядом с которой, судя по старинным русским вышивкам, сохранившим языческие сюжеты, по леву и праву руку восседали верхом на лошадях рожаницы Лада, «богиня» вешнего пробуждения земли и первой зелени, и дочь её Леля, с сохами, притороченными к сёдлам».

Протоиерей Лев Лебедев в своей книге «Крещение Руси» писал: «Почитание русскими язычниками матери-земли – отнюдь не наивность. Заблуждение язычников в том, что, не ведая Бога – Создателя человека и земли, они поклоняются творению, не Творцу».

Православная церковь боролась с обожествлением земли, равно и всей вселенской природы, о чём толкуется в грядущей главе «Отзвуки былого язычества»; и с облачением во Христа крестьяне стали осознавать землю без её самосвятости, а как Творение Божие:

Земля – подножье Божье, а небеса – Его престол.

Земля – Божья ладонь – кормит.

Но русские, даже будучи православными христианами, не смогли напрочь извергнуть из народной этики и эстетики избранные обычаи, обряды далёких предков, православно осмыслив, уподобив их народным сказкам, что рождались в эпоху славянского язычества. Сказка – условность, игра, где заложен нравственный урок, не противоречащий евангельским заповедям. Из крестьянского месящеслова видно, что воцерковлённые русичи древнеславянские, древнерусские природные обряды очистили от природообожествления, плотской распущенности, освятив обряды христианской любовью ко Всевышнему и ближнему, к природе – божественному созданию.

Вот и древние языческие заклинания матери-земли на урожай, освободившись от природообожествления, обратились в стихийные, доморощенные молитвы, когда крестьяне за подмогой обращались уже к Святой Троице, Царю Небесному и Царице Небесной, ангелам и святым отцам, а не к ветхим покровителям природы, чародейным силам вроде бел-горюч камня. Вот образ старинного крестьянско-христианского заговора на урожай:

«О Пресвятая Богородица, Царица Небесная, Владычица Мария, укрой Своею ризою красною, рукою честною, крестом животворящим раба Божия (имя) от всякого зла и напасти во веки веков. Аминь. От клеветника и клеветницы, от еретика и еретицы, от чародея и чародейницы, от волшебника и волшебницы во веки веков. Аминь. Архистратич Михаил, Гавриил и Иоанн-воин победят беса, и супостата, и ворога во веки веков. Аминь. Солнцем

158

ограждён, месяцем подпоясан раб Божий (имя), и не убоюсь врага, и супостата, и ворога моего во веки веков. Аминь».

Хотя вряд ли молитвенные заговоры обладали божественной силой, ибо, скажем, подобной силой не обладают живописные произведения по библейским мотивам в сравнении с церковно освящёнными, намоленными, святыми иконами.

Без Бога ни до порога... Облачённые во Христа, богомольные русские крестьяне растили детей, пахали, сеяли, жали, рубили избы и храмы с упованием на Бога, что воплотилось и в крестьянских приговорах:

Господь повелел от земли кормиться.

Не по образцам зима и лето бывают, а по воле Божией.

От Бога – дождь, от дьявола – ложь.

Севец не уродит, коли Бог не зародит.

Без молитвы запашка – одна промашка.

Богу молись, крепче за соху держись.

Ори да Бога моли: паши, ни о чём не тужи.

У грешника-злодея и соха пашет кривее.

Кому Бог помогает, у того и волк скотины не та-скает.

Посеет грешник хлеба, а уродится камень.

Ласточка, святая птица, поёт молитву: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!»

Первый сноп – Богу, первый ток – полю.

Лошадь человеку Бог дал вместо крыльев.

Без креста и молитвы не будет у рыбака ловитвы.

Птицы небесные не сеют, не жнут (не орут), а сыты живут.